

Лариса КОРОЛЕВА

**ВИНОВНЫЕ
НАЗНАЧЕНЫ**

Лариса Королева

Виновные назначены

«Издательские решения»

Королева Л.

Виновные назначены / Л. Королева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508193-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После удара в голову во время нападения у директора страховой компании Сергея Топоркова начинаются проблемы с памятью и финансами. В Москве убивают его одноклассницу, под подозрение попадает предприниматель, влюблённый в неё в школьные годы. Мужчину объявляют в розыск. В Краснодаре погибает ещё один ученик этого класса, а его соседка бесследно исчезает. Кто целенаправленно уничтожает выпускников десятого «А»? За расследование загадочных убийств берётся криминальный журналист Дарья Леденёва.

ISBN 978-5-00-508193-3

© Королева Л.
© Издательские решения

Содержание

Не забыть запомнить	6
Одних уж нет, а те далече	11
Лунный виски	17
Письмо длиною в жизнь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виновные назначены

Лариса Королева

Дизайнер обложки Ольга ЯКУШИНА

© Лариса Королева, 2019

© Ольга ЯКУШИНА, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8193-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не забыть запомнить

Генеральный директор страховой компании «Щит» Сергей Топорков получил в левый глаз пятого апреля две тысячи шестого года, когда около девяти часов вечера, позвякивая тугой связкой ключей, переступил порог родного дома. Металлическая дверь подъезда пружинисто захлопнулась за Сергеем Владимировичем, и в это же мгновение мощный удар отбросил его назад, заставив стукнуться затылком о железную раму. Потеряв сознание, Топорков сполз на бетонный пол и не почувствовал, как сильная рука, приподняв за воротник, отшвырнула в сторону его обмякшее тело, чтобы освободить проход.

Через несколько минут после незапланированной встречи с возникшей на пути к лифту квадратной фигурой, Топорков пришёл в себя, с трудом поднялся и осторожно ощупал левую сторону лица. Даже самые лёгкие прикосновения приносили ощутимую боль. Ущерб, причинённый лицу компании, её владелец смог оценить, лишь рассмотрев в зеркале ванной комнаты зудящее место соприкосновения с чужим кулаком.

Пострадавший не успел разглядеть нападавшего, зато мог с уверенностью сказать, что этот тип был весьма силен в деле нанесения лёгких телесных повреждений, вызывающих кратковременное расстройство здоровья. Гематома вокруг глаза быстро расплылась на пол-лица и вскоре переливалась всеми цветами радуги.

– Можно подумать, что каждый охотник мечтает знать, где сидит именно фазан, а не какая-нибудь другая птичка, – задумчиво произнёс Топорков и прошёл в зал, прижимая к ушибу кухонное полотенце с завёрнутыми в него кубиками льда.

Он легонько наклонил пятилитровую бутыл-неваляшку, но виски двенадцатилетней выдержки не закапало в подставленный стакан. И немудрено: он забыл открутить крышечку. Ну вот, открутил, нацедил. Лёд в стакан, лёд под глаз.

– Тепло ли тебе хлопчик, тепло ли тебе, синий? – с ласковой грустью спросил у себя Сергей.

Медленно потягивая сорокаградусный напиток, который считал импортным самогоном и пил не столько по любви, сколько из соображений престижа, он мучительно раздумывал: что бы это значило? Кто-то зачем-то дожидался его в подъезде только для того, чтобы подбить глаз? Топорков уже проверил содержимое карманов – и портмоне, и сотовый были на месте. Стало быть, не ограбление. Что тогда? Банальное хулиганство? Мсть недовольного клиента, сотрудника компании или обманутого мужа? И тех, и других, и третьих хватало. А может, его просто с кем-то перепутали?

Гадать можно было сколько угодно, но к моменту отхода ко сну Сергей окончательно решил, что в милицию обращаться не станет в виду бесполезности затеи: ведь если даже злоумышленника, что маловероятно, задержат, опознать его будет невозможно. Слишком неожиданно всё произошло, Топорков не успел разглядеть лицо громилы, да и стоял тот против света.

Проснувшись утром опустошённым и измученным ночными кошмарами, Топорков взглянул на своё изображение в зеркале единственным видящим глазом – второй не открывался – и осознал: о том, чтобы появиться в таком состоянии на работе, не могло быть и речи. К тому же его слегка подташнивало – то ли перебрал вчера с горя виски, то ли вследствие удара произошло сотрясение мозга. Сергей подмигнул своему перекошенному изображению здоровым глазом и пробормотал:

– Ну, что, гендиректор? Похоже, миллионы рублей на счетах своего предприятия от чужого кулака не спасают. Спасибо, не пристрелили! Завещание что ли написать?

В последнее время у него выработалась невредная привычка разговаривать с самим собой, не столько потому, что жил один, сколько из-за того, что считал себя лучшим собеседником – интересным, искренним и готовым прислушаться к мнению оппонента. Топорков

также частенько вслух повторял прочитанное мудрое высказывание, фамилию нового знакомого или нужный номер телефона – так лучше запоминалось.

Сергей поставил на плиту медную турку с натуральным кофе и позвонил своему секретарю. Предупредил, что приболел, и ему нужно несколько дней, чтобы отлежаться. Ожидал услышать сочувственно-услужливое предложение о помощи (уж если не эротический массаж, то хотя бы бесплатная доставка продуктов и лекарственных препаратов), но обычно общительная и порой даже болтливая Настя вдруг коротко и ёмко сообщила, что собирается увольняться, поскольку нашла более подходящую и высокооплачиваемую работу. Обещала отработать предусмотренные законодательством две недели и подготовить себе за это время замену.

Раздражённый Топорков возражать не стал. Однажды Настя уже собиралась уходить, тогда он уговорил её остаться, применив в виде аргументации повышение зарплаты, но во второй раз на однообразный шантаж не бог весть какого ценного сотрудника поддаваться не стал. Кофе, с которого он не отводил видающего глаза, пока говорил по сотовому телефону, стоило лишь на пару секунд отвернуться, с шипением полился на плиту.

– Вот так всегда! – воскликнул незадачливый кофевар и, выливая остатки пенящейся жидкости в фаянсовую чашку спросил: – Ну, и чем мы сегодня займёмся, раз уж выдался свободный денёк?

Заниматься было особо нечем. Уборку в квартире он делал только на днях. Читать одним глазом оказалось страшно неудобно, кроме того, неподатливые строчки расплывались из-за непрекращающейся тошноты и мучительной головной боли. Топорков улёгся на мягкий уголок и принялся щёлкать пультом по каналам телевизора. Однообразные новости, однотипный криминал, бесконечные сериалы... Он вставил диск в DVD и посмотрел какой-то боевик, кровавый и бессмысленный, после чего снова переключился на новости.

Рабочий день, проводимый в полном ничегонеделании, обострил чувство одиночества. Болезненно припомнились сразу две его бывшие жены, одна из которых растила дочь вместе с новым мужем, вторая – сына в одиночку. Он откинул голову на спинку кресла и нарисовал в воображении обеих женщин, по-разному красивых, сидящих в одинаковых позах напротив него на диване, и испытал одновременно два противоположных чувства: глухую ненависть к первой и саднящую грусть по второй.

– В стакане воды я пока ещё не нуждаюсь, а вот поесть было бы неплохо, – произнёс Сергей, порадовавшись тому, что кое-какой запас продуктов у него в холодильнике имеется, и не надо нести свою разбитую физиономию в магазин или аптеку. Синяк, как насморк – лечи, не лечи – за неделю сам пройдёт, решил он и пошёл готовить обед.

К вечеру в Москве передали штормовое предупреждение: на столицу надвигался мощный циклон, который обещал аукнуться шквалистым ветром и осадками в виде мокрого снега. Впрочем, ураган уже «надвинулся» – неодетые деревья кренились, красочные баннеры трепыхались, жестяные козырьки дрожали – не надо быть сотрудником Гидрометцентра, чтобы предсказать непогоду.

Посреди ночи Топорков неоднократно просыпался то от боли, то от грохота. Ему никак не удавалось принять удобную позу так, чтобы не касаться подушки ни синяком под глазом, ни шишкой на затылке. Всякий раз ему казалось, что металлопластиковые рамы сейчас вырвутся и улетят, подхваченные ураганом, а следом за ними из квартиры начнут вылетать вещи и предметы, хорошо, если не он сам. Во время неглубоких промежутков тревожного сна Сергей, от кого-то спасаясь, куда-то летел. С трудом отрывая от каменистой земли отяжелевшие ноги, он рассекал густой воздух напряжёнными руками, будто не лететь собирался, а плыть, и всё боялся запутаться в проводах. Враги парить не умели, но он понимал, что скоро устанет, рухнет на землю, и тогда – конец.

К утру ветер немного поутих, выглянуло неожиданно яркое солнце. О последствиях стихии весь день взахлёб вещали, словно хвастались отлично проделанной работой, российские

и московские телеканалы. Один из постоянно повторяемых трагических сюжетов Топоркова особенно тронул. В два часа ночи ветром с корнем вырвало дерево. Мощный ствол рухнул на припарковавшийся под ним автомобиль, из которого не успел выйти несчастный владелец.

Сергей посмотрел на часы. Десять двадцать.

– Ну, ты и дрыхнешь, Одноглазый Джо, – проворчал Топорков и поднял с пола сотовый телефон, который забыл вчера поставить на зарядку. Позвонил своему заму. – Ты телевизор смотришь?.. Ах, некогда! Да тут ночью на «Тойоту» тополь свалился. Слушай, скажи-ка мне: машинка случайно не у нас застрахована?.. Ага, уже выезжали... И на какую сумму?.. Ё! То есть по полной, на полтинник баксов. Ясно. Только не говори мне, что водитель у нас же застраховал и свою жизнь... Ах, на сто тысяч? Спасибо, порадовал.

Топорков с раздражением отшвырнул мобильник на кровать. Конечно, зам был ни в чём не виноват. Да и двадцатилетний парень, купивший в прошлом месяце новёхонькую иномарку, вовсе не желал, чтобы бравые парни из МЧС распилили искорёженный остов машины с целью извлечения бранных останков хозяина. Никому не пожелаешь такой нелепой смерти. Но в данном случае Топорков думал не о безмерном горе, постигшем семью погибшего, а о вполне конкретных убытках, понесённых собственной компанией. Сто пятьдесят тысяч долларов – это ощутимо... Почти так же, как его ноющий затылок и стреляющий глаз.

Зазвонил городской телефон. Сергей подошёл тотчас же, но звонок прервался. В течение дня ещё несколько раз звонили, но как только он поднимал трубку, раздавались отбойные гудки. Он пожалел, что установил аппарат без определителя номеров и, в конце концов, раздосадованный, повздёргивал из гнезд без разбора все шнуры. Потом забыл об этом и долго не мог понять, почему не получается войти в Интернет...

На пятый день после происшествия глаз наконец-то приоткрылся, тошнота прошла, и одичавший от одиночества директор в понедельник вышел на работу. Синева он замазал тональным кремом, забытым какой-то ночной подругой. Конечно, скрыть следы удара не удалось, но теперь они выделялись не столь явно, а вот вращать глазное яблоко всё ещё получалось с трудом – чтобы взглянуть на собеседника, приходилось поворачивать голову.

Кристина, которую Настя готовила себе на смену, Топоркову понравилась. У девушки с благожелательным выражением лица было высшее образование и двухлетний опыт работы в делопроизводстве. Она свободно владела английским языком и уверенно барабанила по клавиатуре компьютера. Кроме того, Кристина показалась Сергею симпатичной и исполнительской, и он разрешил Насте передать дела и ключи и рассчитаться сегодня же. Девушка не преминула воспользоваться предложением с таким видом, будто досрочное увольнение являлось для неё долгожданным поощрением. Топоркову даже немного обидно стало.

– Ну, и Бог с тобой, золотая рыбка, – сказал он, едва за Настей закрылась дверь. – Плыви себе туда, где глубже и мутнее.

За время отсутствия шефа был заключён только один солидный договор. Торгово-транспортная компания «Траст-Продукт» застраховала запас своих товаров на восемь с половиной миллионов рублей. Топорков узнал об этом только на планёрке и с укором спросил у зама:

– А почему ты заранее не поставил меня в известность?

– Разве? – искренне удивился Алексей. – Простите, Сергей Владимирович, мне казалось, я сообщил об этом полисе, когда мы с вами созванивались на прошлой неделе во время вашей болезни.

– Креститься надо, когда кажется, – жёстко сказал Топорков, раздражённый намёком на диагноз его болезни, который был, так сказать, на лицо.

На следующий день, вернувшись в свой кабинет после ланча из кафе, Сергей повесил в шкаф куртку, полез в карман за сотовым и не обнаружил его на месте. Мобильного не оказалось ни на столе, ни в карманах пиджака. Когда же он видел его в последний раз? Он точно помнил, что по дороге на работу телефон при нём был, потому что ему звонили, ошиблись

номером. Топорков даже чертыхнулся тогда, выворачивая руль: что за народ – тычут на все кнопки подряд и отвлекают человека во время управления автомобилем, вот так порой и происходят аварии! А потом, добравшись до работы, он звонил Алексею, который опаздывал.

Топорков выглянул в приёмную:

– Кристина, я не оставлял у вас свой телефон? Что-то не могу найти.

– Нет, Сергей Владимирович. А давайте я вам на него позвоню, может, он куда-нибудь завалился.

Кристина набрала номер. Оба прислушались. Тишина.

– В кафе, наверное, оставил, когда на ланч спускался, – предположил Топорков и попросил. – Прозвоните, пожалуйста, выясните у официанта, не находил ли он телефон.

Рыжеволосая, вся словно пронизанная золотистым светом, Кристина услужливо кивнула, и через несколько минут заглянула к шефу в кабинет, чтобы сообщить: работники кафе пропажу не обнаружили.

К вечеру Сергей смирился с потерей, по пути домой заехал в салон сотовой связи и выбрал новый аппарат, дороже и современнее былого. Он сокрушался лишь о том, что придётся потратить достаточно времени для ввода нужных номеров. Хуже всего, что некоторые из них нигде не записаны, и могут оказаться утраченными до тех пор, пока владельцы сами ему не позвонят. Каково же было его изумление, когда, открыв дверь квартиры, он увидел свой мобильный телефон лежащим поверх обувной полки! Топорков, словно не веря собственным глазам, взял в руки серебристый прямоугольник и прошёл с ним в кухню, оставляя на паркетном полу грязные следы от неснятых ботинок.

– Но как же так? Какого чёрта, – принялся рассуждать он вслух. – Утром, пока я ехал в машине, мне кто-то позвонил, а уже сидя на работе, я набирал номер Алексея.

Однако никаких исходящих звонков за сегодняшний день зафиксировано не было. Не значилось в памяти и незнакомых входящих, зато трижды звонила какая-то Вероника.

– Кто такая? – спросил Топорков и нажал на «обратный звонок».

– Привет, Серёжа, – раздался молодой воркующий голосок. – Куда пропал?

– Да вот, приболел немного, – рассеянно ответил он, пытаясь вспомнить ту, с кем говорит.

– Надеюсь, ничего серьёзного? Что у тебя болит?

– Лицо, – рассмеялся он. – Но это не заразно.

– Подрался что ли? Ну, ты даёшь! Такой солидный мужик! А я-то переживаю: куда подевался? Домашний телефон не отвечает, сотовый недоступен... Может, встретимся? – игриво предложила Вероника. – Я приеду и полечу тебя. Ты же знаешь, я мастер повышать мышечный тонус.

– Да нет, я поправлюсь и позвоню тебе сам, – пообещал Топорков, стремясь поскорее закончить неловкий разговор, во время которого невольно оказался вовлечённым в бесполовую игру под кодовым названием «угадай собеседника», и вчистую проиграл.

Он вернулся в прихожую, разулся и с неодобрением посмотрел на подсыхающие следы, оставленные подошвами ботинок. Потом поставил на плиту сковородку, кинул на дно с антипригарным покрытием замороженные котлеты из индейки и ушёл в зал заниматься сотовым телефоном. Решил, раз уж купил, будет ходить теперь с новым. Сергей настолько увлёкся вводом имен своих знакомых – близких друзей у него не было – что совершенно забыл про котлеты.

Отделяя от полуфабрикатных кругляков подгоревшие корочки, он всё пытался понять, что же произошло с его телефоном, и засомневался: может, он звонил Алексею вчера утром, а не сегодня? И вчера же общался с незнакомцем, который ошибся номером?

Позже, просматривая фотоснимки, сделанные старым сотовым, Сергей обнаружил хрупкую блондиночку, сначала сидящую с бокалом вина в тонкой руке за столиком кафе, потом лежащую в кружевном пеньюаре поперёк широкой тахты, хохочущую и взлохмаченную.

Не та ли самая Вероника? Исходя из того, что имя было внесено в телефон, он должен эту женщину знать, а судя по игриво-развязному тону, которым она с ним общалась, даже близко.

Впрочем, мало ли у него было знакомых женщин, с которыми он переспал и тут же выкинул их из памяти! Из своей – но не из сотового. Наверное, в тот вечер – судя по дате это произошло чуть больше месяца назад – он как следует набрался, снял в баре девицу и поехал к ней... А потом этот подлый удар отшиб у него остатки ненужных воспоминаний. Но это не беда, решил Топорков, важно – помнить о важном, и улыбнулся тавтологии. В последующие несколько дней, отдавая себе мысленные приказания совершить то или иное действие, он тихонько приговаривал:

– Не забыть запомнить. Не забыть запомнить.

Одних уж нет, а те далече

В летнем кафе, территорию которого уже огородили металлопластиковыми рамами, но отопления ещё не подвели, посетителей почти не было. Да и кто захочет платить втридорога за чашку кофе только потому, что подаётся она в самом центре города, у входа в высотную гостиницу? К тому же поздний вечер, будний день – в такое время рассчитывать можно лишь на постояльцев, которые не знают Краснодара, и потому за рюмкой водки с бутербродом далеко от места своего ночлега не побегут.

Ирина Калинюк только что подала чашку кофе представителю сероглазому мужчине лет сорока. Официантка мило улыбалась в готовности ответить на возможное заигрывание, но незнакомец на её призыв никак не отреагировал, поскольку делал в это время записи в своём ежедневнике. В сосредоточенном лице этого делового человека Ирине почудилось что-то знакомое, словно когда-то она его знала, но уже успела основательно забыть. Она вернулась за барную стойку и тут же метнулась назад к столику – за ту минуту, на которую она отвернулась, к одинокому посетителю успел подсесть вышедший из здания гостиницы генеральный директор Вадим Лонгвинов.

– Что-нибудь принести, Вадим Александрович? – склонилась Ирина в подобострастном полупоклоне.

– Пива, – коротко рубанул директор. – Саша, будешь пиво? Тогда два. И фисташки.

Выставляя на стеклянный столик высокие пивные бокалы, Ирина надеялась услышать обрывки разговора, но мужчины при её появлении замолчали. И официантка отправилась обслуживать припозднившуюся влюблённую парочку, а потом принялась с ожесточением тереть и без того надраенные поверхности пустых столов, изображая бурную деятельность на тот случай, если строгий шеф бросит на неё случайный взгляд.

Допив своё пиво, Вадим Александрович поднялся, в это время льющаяся из динамиков музыка на мгновение стихла, и в паузе между композициями Ирина чётко услышала, как он сказал:

– Ну, бывай, Сизый! Созвонимся!

Вот теперь она, кажется, догадалась, откуда знает собеседника своего шефа. Дождалась, пока Лонгвинов сядет в свой джип и отъедет, подошла к посетителю, хитренько взглянула на него сверху вниз и спросила:

– Простите, а ваша фамилия случайно не Сизарёв?

– Да, – вскинул Александр удивлённый взгляд на бармена.

– А в школе вы случайно не в Краснодаре учились?

– Да. А что такое?

– Ну, здравствуй, Саша. Я твоя одноклассница Ирина Калинюк. Не узнал?

– Ирка? – он с недоверием всматривался в умело подкрашенное лицо, цвет которого, несмотря на всю косметику, в неровном неоновом свете отдавал синевой. – Не только не узнал, но даже и не подумал бы. Уж слишком молодо выглядишь для своих лет.

– Т-с-с, – укоризненно возразила она, присаживаясь за стол. – О возрасте ни слова. Нам всем по-прежнему семнадцать.

В этой стройной сорокалетней женщине Александр никогда не заподозрил бы ровесницу. До неестественности выбеленные волосы были тщательно уложены, подвитые локоны нежно обрамляли тонкое лицо, на котором совершенно не проглядывались возрастные отметины. Разве что парочка мимических морщинок притаилась возле тонких губ, выдавая часто испытываемые неприглядные чувства, в которых никто не хочет признаваться – зависть и обиду. Остренький подбородок без малейшего намёка на возможное появление второго, аккуратный, слегка вздёрнутый носик, незамутнённый взгляд светло-голубых глаз, – во всём её облике

проглядывало нечто трогательное и незащищённое. Поверх плотного белого джемпера Ирина набросила тёплую куртку, и всё же было понятно, насколько она худа – «бараний» вес выдавали выглядывавшие из рукавов хрупкие запястья белых рук с голубыми прожилками.

– Ну, рассказывай, где живёшь? Небось, в Москве, – с энтузиазмом произнесла Ирина, в свою очередь откровенно разглядывая собеседника. – Жена, дети, квартира?

В течение получаса вопросы на Сизарёва сыпались с той же частотой и грохотом, что горох в угол для наказания непослушника. Он рассказал, что как перевёлся с третьего курса Кубанского университета в МГУ, так и остался жить в столице. Жену зовут Татьяна, растят дочь и сына. После окончания вуза Сизарёв работал в НИИ, а сейчас руководит фирмой, которая занимается поставками медицинского оборудования в больницы, санатории и здравницы. В Краснодаре проездом, завтра утром отбывает в Геленджик.

– Ты-то как? – спросил он у Ирины, с трудом вклинившись в неиссякаемый поток её до навязчивости обстоятельных вопросов. – Замужем?

– Институт пришлось бросить, с мужем развелась, деток пока нет, – преувеличенно бодро отпартовала она. – С работой тоже проблемы, здесь вот сижу. Но это временно. Мне уже предложили приличное место. Жду.

– Как наши? С кем видишься? Вы ведь, наверное, встречаетесь в школе на традиционных вечерах выпускников?

– Да с кем встречаться-то? Кто уехал, кто погиб...

– Как это? – растерялся Сизарёв. Естественная мысль о том, что кого-то из однокашников, оставшихся в памяти практически детьми, мог уйти из жизни, как-то не приходила ему в голову.

– Да так вот. Вовчик после школы в сахарный техникум поступил, потом в армию ушёл и попал в Афган. Погиб уже перед самым дембелем, мы его почти всем классом хоронили. А Лёвчик с девочками пьяный раскатывал и разбился. Только-только папа машину ему новую купил... Резо в девяностых застрелили, он в криминальный бизнес полез, кому-то там дорогу перешёл, ну, и вот... Двое деток у него осталось.

– Господи, Ирка, что за ужасы ты рассказываешь, – с горечью произнёс Саша, нервно закуривая.

Ирина глубоко вздохнула, затянулась тонкой белой сигаретой и скорбно продолжила:

– Это ещё не всё. Аркадий Лисовский в Израиль эмигрировал, кем там только не работал – и маляром на стройке, и нянкой у богатого старика, пока программистом не устроился. Один раз приезжал, навещался. Потом пришло известие, что умер от инфаркта в тридцать шесть лет.... Ленка Савченко после школы в кафе посудомойкой работала, родила дочь непонятно от кого, потом вообще в ночные бабочки подалась, на трассе стояла, да так и пропала. Наверное, прибили где-нибудь. Сейчас её дочери уже двадцать два года, живёт с Ленкиным отцом, наркоманка. Встречаю её иногда в нашем районе, вечно под кайфом. Оля Архарина в восемнадцать лет замуж выскочила и сразу сына родила. Потом её мужа за рэкет посадили, а она опять беременная была. Сделала подпольный аборт – врачи не смогли откачать.

Сизарёв нервно закурил и предложил:

– Ирка, а может, водки вмажем? Помянём ребят?

– Давай, – охотно согласилась она, легко подскочила и пошла к стойке. Заметив парочку немолодых гомосексуалистов, которым её напарник разливал по рюмкам коньяк, Ирина с нескрываемым неодобрением покосилась на этих постоянных посетителей и чуть слышно пробормотала, – вот ещё тоже мне, конкуренты, женихов уводят!

Александр выпустил тонкую струйку дыма и подвёл печальный итог: из двадцати восьми мальчишек и девчонок, с которыми он окончил вместе десятый класс, шестерых уже много лет нет в живых, и ему никогда уже с ними не встретиться. Впрочем, разве он стремился? Даже с близким другом детства и бывшим соседом по подъезду Валеркой Чирковым он очень

редко поддерживает связь. Друг закончил в Севастополе военное училище и бороздил просторы мировых океанов на подводной лодке. Когда всплывал, присылал письма. Теперь уже на московский адрес.

За неполных двадцать пять лет, прошедших со дня выпускного бала, Сизарёв всего лишь один раз вернулся в школьное прошлое, да и то совершенно случайно. Покупал в московском автосалоне машину и наткнулся на Маринку Старчак, которая ему этот автомобиль и продала, а узнала она одноклассника лишь в момент оформления документов, исключительно по фамилии. Как и сегодня Ирина Калинюк – по детской кличке, обронённой его институтским другом Вадиком. Неужели он так сильно постарел за эти четверть века?

Александр наполнил рюмки из принесённого одноклассницей графинчика:

– Ну, давай, не чокаясь!

Перед глазами замелькали юношеские лица, которые он помнил скорее по недавно рассматриваемой школьной виньетке, чем такими, какими были в далёкой реальности. Неразлучные Вовчик и Лёвчик, которых никто и по фамилиям-то никогда не называл, давно встретились на небесах. Первый был безотцовщиной и отчаянным троечником, второй – сыном крупного чиновника и «договорным» отличником. Одному выпало воевать в Афганистане, второму развлекаться на гражданке, а злодейка Судьба не пощадила ни одного из друзей. Молчаливый отшельник Резо... Импозантный очкарик Аркадий... Сопливая сплетница Ленка... Томная красавица Оля...

– Ладно, не будем о печальном. Жизнь есть жизнь. Ты, Ира, лучше о живых расскажи. С кем общаешься?

Ирина, казалось, несколько смутилась:

– Да сейчас почти ни с кем. Работаю сутки через сутки, какое уж тут общение! Тут бы домой после смены добраться, отмыться, отоспаться, и снова в бой!

– Ну, хоть платят?

– Куда там! Зарплата чисто символическая, что на кофе заработал – то и твоё. А кто сюда потащится? Ни сплита, ни отопления. Летом жара, зимой холод. Сам видишь, сколько здесь посетителей – ты да я, да мы с тобой. Так и сидим порой с напарником полночи, просто охраняем эту забегаловку. Ладно, Бог с ним. Давай вмажем!

Официантка подняла рюмку, не чокаясь, опрокинула её в рот, не поморщившись, запила апельсиновым соком и продолжила повествование:

– О многих наших вообще ни слуху, ни духу. Как, например, о Топоркове, Дюжеве, Тюленеве. Кто-то сразу после школы из города уехал, а кто-то уже после института. Света Строганова работает где-то на Новороссийской таможне, старая дева. Люда Перебейнос ещё в юности увела у неё жениха-немца и теперь живёт в Германии....

– А в Краснодаре-то хоть кто-нибудь остался?

– Теперь о тех, кто в Краснодаре. У Игоря Седых своё кафе в парке, у Ани Витовой сын в этом году будет в институт поступать, они с мужем магазин подарков держат. Больше вроде ни о ком не знаю... Да, про самого главного забыла! Коля-то Прокудин, мой сосед по площадке, совсем спился. А как мать похоронил, так постоянно у него полный дом алкашей – ни днём, ни ночью нет покоя. И всё кричит: «Ирка, выходи за меня замуж – сразу пить брошу!».

– Так ты выходи, – рассмеялся Сизарёв.

– Ага, сейчас! Ты бы его видел, придурка этого, совсем человеческий облик потерял. Не работает, круглые сутки пьёт, а на что – непонятно.

– Кто пьёт, тому Бог подаёт, – снова улыбнулся Александр и вдруг встрепенулся. – Подожди, подожди, а почему ты ничего не говоришь о своих лучших подругах? Вы ведь с Ларкой Ольшанской, Любой Кудиновой и Наташкой Переверзевой были неразлучны, прямо-таки не разлей вода, всё время вместе.

– Ну, что тебе сказать? Наташка в двадцать два года стала вдовой – мужа у неё менты застрелили, сыну Антошке тогда только годик исполнился. Сейчас она в Красноярске, в краевой администрации работает, лет пять уже как не приезжала. Люба Кудинова в глухой станице живёт, вырастила своих двоих детей, да ещё двоих племянников, что от старшей сестры остались, которая от рака умерла. А Ларка... Сын у неё от первого брака, а второй муж – депутат нашей Думы. Ну, такая крутая стала, куды там, прям пальцы веером!

Сизарёв вдруг почувствовал, что смертельно устал – не столько от короткого дневного перелёта, сколько от этого долгого ночного разговора. Он понял, что больше уже не может воспринимать водопадом стекающую на него многоступенчатую информацию. Все эти женитьбы, разводы, переселения и занятия бывших одноклассников начинают путаться в голове, крутятся как разноцветные кусочки пластика в калейдоскопе, которым не суждено слиться в цельную картинку. Он взглянул на дисплей сотового телефона – почти два часа ночи – и взмолился:

– Слушай, Ирочка, я, наверное, спать в номер пойду. Мне завтра стартовать в семь утра. Может, оставишь свой телефон, а лучше электронный адрес?

– У меня нет компьютера. Зачем он мне? – возразила она и написала на обратной стороне счёта номер телефона.

– Сколько я должен за водку, сок? – спохватился Александр.

– Да брось ты! Уж на это-то я всегда заработаю.

– Ну, тогда ладно. Оставлю тебе несколько своих визиток. Если увидишь кого-нибудь из наших, передай им, может, споемся. А вообще как здорово было бы однажды собраться всем вместе!

Ирина зябко поёжилась и тяжело, по-старушечьи, вздохнула. Похоже, она так не считала.

* * * * *

Лара Ольшанская поднялась утром, как обычно, в половине девятого утра, чтобы поцеловать мужа на прощанье, закрыть за ним дверь и задуматься: что бы такого доброго и полезного сделать? Надо бы сходить на рынок и подкупить продуктов, но лучше это сделать ближе к обеду, когда на улице потеплеет, и прекратит досадно моросить мелкий дождик. Она выпила стакан сока, застелила постель и включила компьютер. В электронной почте оказалось только одно новое письмо. Оно прилетело из Красноярска, от школьной подруги Наташи Переверзевой.

«Ларка, привет! Как дела? Что-то давно ни от кого нет известий, я по всем соскучилась. Ни Ирка, ни Люба не пишут мне и не звонят. Да и я тоже всё никак не соберусь с ними связаться – междугородка стоит дорого, а ручкой писать стало лень. Такой роскошью, как компьютер, девчонки не обладают. Или уже завели?

У меня всё по-прежнему, Антошка учится, я работаю. Поскольку с очередным любовником рассталась, то опять одна. Напиши, какие планы у тебя на лето. Вчера слушала прогноз погоды. У вас там уже тепло! Планирую в этом году выбраться в родные края. Съездим вместе на море? А пока, чтобы ты не забыла, как я выгляжу, высылаю фото. Это мы на пикнике с коллегами из администрации. Длинноволосая красавица с шампуром – это я! Подруга дней твоих суровых, Наташка-сибирячка».

Лара раскрыла файл с фотографией и улыбнулась. Её подруга и впрямь красавица! Конечно, Наташкино: «*Это я*» было шуткой. Разве можно её не узнать? Несмотря на суровый климат и неустроенную личную жизнь (а, может, именно благодаря именно этим тонизирующим обстоятельствам) Наташа выглядела великолепно. Никто не догадается об истинном возрасте этой озорно смеющейся женщины с ямочками на щеках, а ведь нынешней осенью им обоим исполнится уже сорок один! С этой мысли Лара и начала ответное послание.

«Привет, девушка с шампуром! Ты хорошо там сохранилась, на сибирских морозах. И куда только мужики смотрят?

В Краснодаре мерзкий дождик, но прогноз на ближайшие дни обнадеживающий. Мы с Игорем в конце июня собираемся за границу, так что если ты прилетишь в августе, обязательно с тобой на недельку к морю съездим.

У нас всё классно. Ерёмин трудится депутатом, да и бизнес идёт потихоньку, правда, в последнее время мой муж стал нервным. Наверное, переутомляется. Я ему завариваю лекарственный успокаивающий сбор и называю эту бурду «Трын-трава».

Дениска учится в университете и по-прежнему живёт у своих бабушек-дедушек по очереди, чтобы никого не обидеть. И у моих стариков в квартире есть Денискина комната, и у бывших свекрови со свёкром – тоже. К нам он ходит неохотно – так и не привык к моему Игорю. Так что с сыном я обычно общаюсь, когда навещаю родителей. Такие вот сложности.

Теперь о девчонках. Компьютеров они не завели. Но Люба приобрела сотовый телефон, и пару раз мне уже звонила. Ну, что тебе о ней сказать? Вся в дочках, племянниках и коровах. Ну, разве могли мы в своё время представить, что наша круглая отличница, «медалистка и активистка» заберётся в такую глушь, будет вставать в пять утра и доить коров? Но дворовое хозяйство – это у них в Тёмнореченской единственное средство существования. Сама понимаешь, что могут заработать два сельских учителя! Муж у Любы только на то и годен, чтобы преподавать, руками он работать не умеет. А хозяйство почти полностью натуральное: выращенную картошку меняют на привозной сахар. Любка и творог сама делает, и сметану. Опять же яички из-под курочки... А вообще жуть!

Ты же помнишь, когда в начале девяностых они уезжали, сами себя утешали тем, что беспокойные времена лучше переживать поближе к природе. Дескать, «все там пьют, а мы станем настоящими фермерами». Собирались построить большой дом из природного камня, которого у них на речке навалом, и заняться выращиваем ранних огурцов и помидоров в теплицах. Но так до сих пор и живут в крошечном саманном домике, что купили пятнадцать лет назад, та же грязь и тоска.

Но в чём Люба молодец, так это в том, что умудрилась обоим племянникам дать высшее образование, а вместе с тем – и шанс вырваться в большую жизнь. Её старшая дочка учится в Пятигорском институте иностранных языков, а в этом году младшая собирается поступать в наш университет. Люба по этому поводу со мной и созванивалась: просила узнать, когда проходят вступительные тесты. Присылала фотографии. Девчонки симпатичные, младшая – вылитая Люба в свои шестнадцать лет. А Люба, конечно, сильно сдала, как-то увяла вся. Сама понимаешь, сельский труд...

Теперь про Ирку Калинин. Она всё ещё работает барменом, хоть и жалуется, что тяжело и выручки маленькие, но мне кажется, ворует она там предостаточно. По крайней мере, ремонт в своей квартире сделала, новую бытовую технику купила. А вот с головой у неё в последнее время явно не в порядке. Да и было бы удивительно, если было бы иначе. Сорок лет – ни мужа, ни детей, ни профессии. Ирка хотя и делает вид, что не унывает, но заметно, что какая-то червоточинка разъедает её изнутри. Кстати, знаешь, почему она тебе писем не пишет? В прошлый раз она заявила, что звонила поздравить тебя с Новым годом и предлагала к нам приехать. А ты будто бы ей ответила примерное следующее:

– Что я там у вас не видела? Приезжайте вы и посмотрите, как я шикарно живу. И должность у меня крутая, и квартира элитная, и иномарка навороченная! А вы там с Ларкой что из себя представляете?

Знаешь, я ни на секунду ей не поверила. Во-первых, слишком хорошо тебя знаю – ты никогда не выразилась бы в таком тоне. А во-вторых, Ирка в последнее время если не решительно врёт, то отчаянно преувеличивает. Расскажу тебе недавний случай. Прибегает ко мне Ирка, вся в слезах и рассказывает такую историю. Дескать, восьмого марта заходят к ней в кафе моя бывшая золовка Аня Витова с мужем, и мой бывший муж со своей новой женой и говорят:

– О, да ты у нас уже до бармена доросла? Ну, трудись, трудись! А мы в ресторан сейчас пойдём.

Я в первый момент была ошарашена, так мне обидно за Ирку стало. Позвонила Аньке и напала на неё: что вы там себе позволяете! Та, бедная, ни сном, ни духом, отвечает, что они всего лишь только поздоровались, и весьма благожелательно. Я даже бывшему мужу прозвонила, и у него спросила. Он тоже в шоке был от подобного оборота дела.

И тут я поняла, что у Ирки просто разыгрался комплекс неполноценности, захлестнула чисто человеческая обида. Восьмое марта – все подружки разряженные, гуляют с мужьями, а она чашки в кафе моет, и с женским праздником поздравить-то её некому! Вот она и вообразила то, чего ребята не только не говорили, но и не думали. Анята после того случая заявила: всё, хватит, больше я с твоей Иркой не общаюсь, потому как неизвестно, что она в другой раз придумает.

Да и на меня Ирка вечно дуется. В последний раз обиделась перед Новым годом. Я обмолвилась, что мы с Игорем собираемся на депутатский банкет. Она и заявляет: «И мне купите билетик, я заплачу». Я просто обомлела: это что, кино? На банкет приглашены только депутаты и их жёны, и у порога всех встречают председатель Думы и мэр города. При чём тут подружки, сёстры, кумовья и т.д.?

К тому же вышло так, что мы оказались за одним столом с Вадимом Лонгвиновым и его женой. А Вадим – не только депутат, но и директор гостиницы, Иркин шеф. Ну, как мне было ей объяснить, что это для меня она «три в одном» – одноклассница, кума и подруга, а для Вадика – всего лишь прислуга? Да он бы встал и демонстративно вышел из-за стола! Я-то уж Вадика знаю, он умнейший мужик, но немного сноб. Конечно, я Ирке тогда мягко объяснила, что не могу взять её с собой. Но она надулась: почему я лишаю её счастья попасть в высшее общество и отхватить себе депутата? Очень они все там Ирку ждали! Все уже лет по двадцать в браке состоят, а в любовницы берут двадцатилетних да с фигурами манекенщиц.

Потом Ирка несколько часов подряд донимала меня вопросами об этом банкете: что на ком было одето, какие блюда подавали, кто тосты произносил, какая музыка играла и т. д. Мне показалось, что этот допрос длился по времени дольше, чем сам банкет. Ну, разве додумается человек, у которого хоть какие-то собственные мысли в голове имеются, интересоваться такими мелочными подробностями! А позже мне передали Иркины слова о том, что я слишком высоко вознеслась и будто бы заявила, что Ирке на солидные мероприятия «нечего лезть со свиным рылом», не по ранжиру, мол! Господи, да в моём лексиконе и слов-то таких нет!

...Наташка, представляешь! Помяни чёрта, и он тут как тут! Писала я тебе, писала, и тут Ирка звонит и сообщает сногсшибательные новости. Представляешь, вчера вечером у неё в баре сидел САШКА СИЗАРЁВ! Господи, Наташка, она как сказала мне: «Хочешь номер телефончика своей первой любви?», так у меня сердце и зашло! Ну, ты же помнишь, как я сходила по Сашке с ума в девятом и десятом классе, да и после ещё...

Живёт он в Москве, женат, двое детей, фирма своя, приезжал в командировку. Оказывается, они с Вадимом Лонгвиновым учились вместе на двух первых курсах физфака, пока Сизарёв не перевёлся в Москву. Как тесен мир! Я и не знала, что Вадик с Сашкой были однокурсниками. А тут ещё оказалось, что они до сих пор поддерживают отношения. В общем, записала я дрожащими руками номер телефона и электронный адрес, а сердце так заколотилось, словно я заново пережила первый поцелуй. Ой, Наташка, не могу! Сейчас или разревусь, или взлечу. Пойду-ка выпью «трын-травы», может, успокоюсь.

Твоя романтическая дурочка, которая никак не повзрослеет».

Лунный виски

Открывая дверь своей квартиры, Топорков услышал трель телефонного звонка. Лихорадочно четыре раза подряд провернув ключ против часовой стрелки, Сергей рванулся в прихожую, швырнул на пол пакет с продуктами и схватил трубку. Поздно. Связь прервалась.

– Если очень надо, перезвонят, а если не очень – то и не стоит беспокоиться, – произнёс он и вернулся к распахнутой настежь входной двери. Прикрыл её и с удивлением обнаружил, что с внутренней стороны задвижка закрывается только на пол-оборота. Он несколько раз открыл и закрыл дверь, проверяя, не застряло ли что-нибудь между полотном и коробкой, и ничего не обнаружил.

– Ну, и чёрт с ней! Хоть как-то зарывается – и ладно, – решил Сергей и, сняв куртку, понёс пакет с продуктами в кухню.

Ночью ему снились два разных очень чётких жизненных сна, и оба об одном и том же. В первом сне у него угнали автомобиль, и он сильно горевал по этому поводу, потому что обожал свой «Мерседес», считая его не столько престижным, сколько удачливым – на этой три года назад купленной машине с ним не произошло ни единого, даже самого незначительного, дорожного инцидента. Сергей во сне сетовал на то, что автомобиль на днях слишком хорошо помыли и отполировали, и угонщиков привлёк этот сверкающий блеск новой машины...

Во втором эпизоде он шёл длинным глухим переулком, где его нагнал вооружённый грабитель, потребовавший отдать нательный крестик. Топорков понимал, что парню с пистолетом лучше не возражать: не стоит рисковать жизнью из-за ювелирного украшения, но всё же принялся уговаривать преступника не забирать креста. Уже расстегнув и сняв золотую цепочку, он принялся жалобно объяснять, что именно с момента покупки этого маленького распятия в его нелёгкую жизнь ворвалась настоящая удача, и что парень-то продаст крест на лом, а для него, Сергея, это не несколько граммов золота, а особый талисман. Он сулил налётчику деньги, достав портмоне. Но тот рассмеялся: «Если хочешь ещё и деньги дать в придачу, так я возьму, но крест не отдам». Так и запечатлелся в жалостливом сне уходящий по огороженному металлической сеткой переулку странный грабитель. Не взявший денег, зато унесший на раскрытой ладони его, Топоркова, Госпожу Удачу.

Наутро, собравшись уходить, Сергей не смог найти ключей. Носясь по квартире в куртке и ботинках и заглядывая даже в самые неподходящие места, он изрядно вспотел и перенервничал. Стал припоминать, когда держал связку в руках в последний раз, долго мучился в догадках, потом плюнул и решил запереть на запасной комплект. Открыл входную дверь, вышел... и вдруг обнаружил свою связку торчащей в замке с наружной стороны.

– Вот дебил, – выругал Топорков сам себя, – совсем память отшибло. Это всё тот вчерашний дурацкий телефонный звонок, который меня отвлёк.

И тут его осенило: два таких явственных сна подряд – это вовсе не предостережение о возможных будущих потерях, как он подумал, проснувшись, а подсказка подсознания, диктовавшего ему в течение всей ночи: «Ты забыл в дверях все свои ключи! Опасно!». (А ведь там были и от машины тоже). Хитрая всё же штука подсознание! Оно запечатлевает всё то, что не откладывается в перегруженном ненужной информацией мозге, а потом самым неожиданным образом преподносит нечто важное, упущенное в бестолковой суматохе дней. Надо только уметь правильно расшифровывать закодированные сигналы, которые посылаются не откуда-то свыше, а изнутри тебя самого!

После того, как ключи всю ночь пробыли снаружи, и кто угодно мог снять с них копии, оставлять квартиру без присмотра стало небезопасно, решил Топорков. Заехал по пути в офис в хозяйственный магазин и купил новые сердечники для обоих дверных замков.

– Привет, Настёна, – поздоровался он, входя в приёмную.

– Я Кристина, – вежливо поправила его девушка с каштановыми волосами с рыжеватым отливом.

– Ну да, конечно, Кристина. Извини. Это я по старой привычке. Вызови ко мне Алексея, пожалуйста.

– Он же в командировке, в области.

– А я почему не знаю?

– Почему не знаете? – удивилась секретарь. – Вы же сами ему вчера поручили, чтобы он...

– Ах, да, да, – спохватился Топорков, – совсем вылетело из головы.

Он вошёл в кабинет, поставил на стол пакет с купленными сердечниками, который зачем-то принёс с собой из машины, после чего медленно и осторожно, будто был стеклянным и мог разбиться, опустился на кожаный диван. Потирая пальцами стреляющие виски, Сергей озабоченно прошептал:

– Что же это со мной такое, а?

Похоже, последствия сотрясения мозга, которому он не придал сначала никакого значения, оказались гораздо более серьёзными, чем можно было предположить. И вот нате вам! Путать имя собственного секретаря, забывать вытащить на ночь ключи из двери и не знать, куда и зачем отправил первого зама! Да ещё эта дикая история с забытым дома сотовым телефоном (по которому он якобы звонил с работы!) и поселившаяся в нём полуобнажённая Вероника, о которой он вообще никакого понятия не имеет! Нет, с этим надо что-то срочно делать, иначе о его забывчивости скоро начнут слагать легенды, а подчинённые за его спиной станут крутить пальцем у виска.

Топорков полистал справочник, выбрал наугад частную клинику, записался на приём и после обеда наведлся к невропатологу. Рассказал о том, что на прошлой неделе получил удар по голове, несколько дней его тошнило, но он честно отлёживался дома, не предпринимая никаких физических нагрузок. Тем не менее, голова ещё периодически болит, и он начал испытывать непонятное смутное беспокойство, а главное, стал забывать всё подряд.

Топоркова направили на энцефалограмму, произвели также ультразвуковое исследование сосудов головного мозга, и старый невропатолог пришёл к выводу, что ничего особо страшного у пациента не наблюдается: ни отёков, ни опухолей. Да, имеются признаки атеросклероза – так он сейчас у каждого второго, если не первого. Вполне естественно, что после сорока лет механическая память заметно ухудшается, но это естественный процесс, усугубляемый плохой экологией, неправильным питанием, нервными стрессами и эмоциональными перегрузками.

Доктор-живчик порекомендовал активно отдыхать, выезжать на природу, исключить из рациона алкоголь и животные жиры в избыточных количествах. Хорошо бы заняться каким-либо видом спорта, например, плаванием или совершать утренние пробежки, это очень тонизирует, как и расслабляющий массаж. И категорически бросить курить! Ах, пациент не курит? Вот и славненько.

По пути домой Топорков остановился у аптеки, купил несколько выписанных в клинике препаратов, призванных успокоить нервную систему, улучшить кровообращение и укрепить память. Он с аппетитом поужинал, отказав себе в традиционных сто граммах ежевечернего алкоголя. Заменял сердечники в дверных замках, с удовольствием поработав впервые за долгое время руками, а не головой. Принял на ночь таблетки и заснул сном праведника, не отягощенного заботами о слегка пошатнувшихся делах компании и несколько расстроившемся здоровье.

Наутро впервые за последние десять дней Сергей почувствовал себя выспавшимся и бодрым, настроение было приподнятым, а погода казалась прекрасной. Заметно потеплело, в воздухе запахло весной, и он напевал по пути на работу попури из самых звонких мелодий, которые знал. При этом ничуть не раздражался нудным стоянием в пробках и робко-неумелыми или откровенно хамскими манёврами водителей.

В одиннадцать часов дверь его кабинета без стука распахнулась, и один за другим стали заходить сотрудники компании.

– Что такое? – растерялся плывущий по интернетовским волнам и не сразу вынырнувший в реальный мир Топорков. – Что за общий сбор?

– На планёрку, – ответил вошедший первым и уже усаживающийся на стул Алексей.

– Какая к чёрту планёрка? – вспыхнул Топорков и взглянул на настенный календарь, рекламирующий услуги «Щита». – Сегодня что, вторник?

– Пятница, – запинаясь, пролепетала худосочная старая дева, служащая главным бухгалтером. – Но Кристина сказала, что на внеочередную.

– Кристина что-то перепутала, – зло ответил Сергей, и озадаченные господа-страховщики, пожимая плечами и переглядываясь, ретировались.

Топорков выскочил в приёмную и немигающим взглядом колющих серых глаз уставился на испуганную девушку.

– Ты какого чёрта народ на летучку собрала?

– Но вы же мне сказали...

– Что сказал? Когда сказал? – раздражённо выдохнул разгневанный шеф.

– Когда я вам утром кофе принесла, вы велели всех специалистов обзвонить, предупредить, чтобы к одиннадцати часам на совещание собрались, – залепетала Кристина, лицо которой приобрело цвет её розовой кофточки.

Топоркову почему-то пришло на ум почерпнутое из специальной литературы утверждение психологов о том, что розовое носят женщины, мечтающие выйти замуж, и он закричал:

– Ничего подобного я не поручал! Это я знаю точно, потому что нахожусь, в отличие от тебя, в трезвом уме и здравой памяти. А ты либо законченная дура, либо специально меня подставляешь! Точно так же, как вчера, когда утверждала, что я в курсе по поводу командировки Алексея Петровича.

Внезапно осознав, что он так и не выяснил, куда и зачем выезжал его зам, Сергей вернулся в кабинет, с грохотом захлопнув за собой дверь. Буквально несколько минут назад он просматривал в Интернете формы страховых полисов и рекламные предложения конкурентов, стремясь почерпнуть нечто полезное, что, преобразовав, можно использовать как новые методы работы в собственной компании, и вот рабочий день, не успев толком начаться, уже безвозвратно потерян. Почувствовав, что не может ни на чём сосредоточиться, Топорков принял очередную таблетку, запив её глотком остывшего кофе из небранной бестолковым секретарём чашки.

– Это не со мной, это с этой рыжей стервой что-то не в порядке, но я с ней разберусь, – пообещал себе Сергей и ушёл пораньше на обед, надеясь, что вкусная еда вернёт бывшее хорошее настроение. Проходя через приёмную, он с неприкрытым презрением взглянул на прячущую заплаканные глаза Кристину.

Вернувшись домой, Топорков с облегчением опустил на пол два объёмистых пакета, тонкие ручки которых оставили глубокие следы на пальцах. Закупив большой запас продуктов в пятницу вечером, он решил в выходные вообще не выходить из дома: прибраться, принять ванну, почитать. Может, пригласить в гости приятелей. На природу выезжать ещё рано – сыро и сытно. А вот расписать вечерком «пулечку» в чисто мужской компании под виски было бы в самый раз.

Сергей переоделся в спортивный костюм, отнёс пакеты в кухню и принялся выставлять на стол съестные припасы. Открыл холодильник – и оторопел. Банки с соленьями и салатами, пакеты с соками и кефиром, сыр и ветчина, масло и майонез... Все полки были аккуратно заставлены практически тем же самым, что он только что принёс из супермаркета! Но ведь вчера вечером холодильник был практически пуст! Иначе, зачем бы он стал делать закупки? Сергей открыл морозильную камеру и обнаружил там обтянутую целлофаном упи-

танную курицу. Машинально положил рядом купленную сегодня её сестру-близнеца и обессилено опустился на стул:

– И как это прикажете понимать? Что я вчера ел? Да яичницу с сардельками я ел, потому что всё остальное закончилось на фиг! А потом я принял таблетки и лёг спать... Когда же я ходил в магазин?

Он накидал в стакан кубиков льда и прошёл в зал, чтобы плеснуть в него виски, взглянул на бутылку и воскликнул: «Ё!». Пятилитровая ёмкость была практически пуста. Но ведь он раскупорил её всего каких-то две недели назад, гостей за это время не было, а сам он принимал не более двухсот граммов за вечер. Вчера, например, вообще не пил. Или пил?

Топорков ринулся в кухню, заглянул в мусорное ведро. Сверху лежал скомканный фирменный пакет из супермаркета, сквозь который просвечивала белая бумажка. Он развернул пакет и вытащил чек. Наименование товаров, маркировка, цена... Дата и время. Четырнадцатое апреля 02:27. Итак, вчера около одиннадцати вечера он принял таблетки и лёг спать, а в два часа ночи встал, оделся и отправился в круглосуточный супермаркет за продуктами, вернулся домой и автоматически выпил более литра виски?.. Сергей вздрогнул и явственно ощутил в районе солнечного сплетения неприятный холодок, который прополз по пересохшему горлу и прохладным ветерком одул корни его светлых, поредевших с возрастом волос.

Вообразить, что кто-то наведёлся в его отсутствие в квартиру только для того, чтобы поживиться элитным напитком, и заодно заполнить чужой холодильник, было слишком сложно. Да и сердечники в замках новые – только один день и простояли. Ключи сегодня весь день были у него в кармане пиджака, так что никто посторонний проникнуть в жилище никоим образом не мог. Как же тогда называется то, что с ним произошло? Кажется, лунатизм. В следующий раз он вылезет лунной ночью абсолютно голым в окно и пойдёт себе, как независимая кошка, гордо разгуливать по карнизам! Интересно, что сказал бы по этому поводу хлипкий докторишка, который утверждал, что ничего страшного с пациентом не происходит?

Сергей где-то слышал или читал, что спасением в таких случаях является мокрая тряпка, которую надо положить на ночь у постели больного. Встанет во сне несчастный лунатик, чтобы отправиться на поиски неизведанных приключений или завершить неоконченные дела, наступит на холодную тряпку – и вмиг проснётся. Ну да, сегодня он так и поступит: постелет на пол перед своей кроватью целлофан, а на него – намоченное полотенце.

Таблетки для улучшения памяти Топорков запил остатками виски.

В понедельник, вернувшись с работы и едва шагнув из кабинки лифта на лестничную площадку, Топорков обнаружил, что дверь его квартиры приоткрыта. Он осторожно потянул за металлическую ручку и заглянул в тёмный коридор, откуда потянуло сквозняком и сыростью. Не решаясь войти, замер на пороге, но тут отворилась соседская дверь и выглянула пенсионерка, имени и отчества которой он не знал.

– Ага, прибыли, – радостно констатировала она. – Ну, и натворили вы нам дел!

– Что стряслось?

– То и стряслось, что затопили вы полдома!

– Как это? – не поверил Топорков, – трубу, что ли прорвало?

– Да нет, с трубами всё в порядке. Вы кран в ванной комнате забыли закрыть.

– Не может такого быть, – Сергей включил в коридоре свет и пошёл по сырому, начавшему разбухать паркету в сторону ванной.

Соседка засемила следом, приговаривая:

– Часов в одиннадцать утра соседи снизу прибежали, кричат: заливают! Гремим к вам в дверь – никого, а номера вашего телефона никто не знает. МЧС приехать отказалось, сказали, только людей спасают. Пока толковых слесарей нашли, пока они замки вскрыли – ну-ка, сейфовая дверь!.. В общем, у вас тут уже по колено воды стояло. Едва дверь распахнули – как хлынет! Да самое страшное, что кипятилок – не сунуться. Ой, что было! Егорыч побежал в гараж

за болотными сапогами, добрёл до ванной – а там кран настежь раскрыт. И хлещет во весь напор через край раковины! Четыре часа мы с соседями воду вёдрами и кружками черпали, потом тряпками подтирали... И моя стена, кстати, снизу вся мокрая!

Топорков потрогал металлический рычаг итальянского крана, словно не веря, что этот безобидный на вид предмет мог наделать столько бед, и пошёл по квартире, обследуя причинённые потопом разрушения. Под креслами и диванами, с обшивки которых продолжала стекать вода, стояли лужицы. Нижние ящики мебели выдвинуты, хранившиеся в них предметы и бумаги разложены по столам и подоконникам.

– Это мы воду из ящиков выливали, – поясняла соседка, – а коврики на балкон выволокли – их-то не отождёмшь. Окна открыли, чтобы лучше сохло.

– Явились? – донёсся язвительный голос из коридора.

В дверях стоял худощавый мужчина в домашней пижаме. По его разгневанному виду Сергей догадался: сосед снизу. Они иногда сталкивались в лифте и здоровались, но не вступали в разговор, тем более, в конфликт. И вот пришлось спускаться, любоваться обсыпавшимся потолком, размокшими обоями, набухшими панелями мебели, сработанной явно не из натурального дерева. Худосочная хозяйка выразительно охала и нервно заламывала руки. Шустрый парень с прыщавой физиономией сновал вокруг и беспрерывно щёлкал затвором фотоаппарата.

– Всё зафиксировано, акт составлен, снимки есть, дело предано огласке, так что не отвертитесь, – грозил сосед.

– Я и не собираюсь отверчиваться, – возразил Топорков. – Почему вы в таком тоне со мной разговариваете?

– А как с вами разговаривать, когда мне нанесён серьёзный материальный и моральный ущерб? У меня же евроремонт!

– Ремонт у вас, положим, относительный, но ущерб я возмещу. Подсчитайте убытки и сообщите сумму.

– Я-то подсчитаю, только учтите: откажетесь выплатить – подам исковое заявление в суд! Вас, кстати, ждут в квартире, что напротив моей, и этажом ниже – тоже.

Пришлось обходить соседей, интерьер в квартирах которых пострадал значительно меньше, но горячая вода всё же оставила свои разрушительные отметины.

Вернувшись к себе, Сергей заметался по комнатам, не зная, что предпринять. То хватался за мокрые книги и бумаги, раскладывая их на газеты, то кидался развешивать по верёвкам и стульям кем-то отжатые простыни и полотенца. Мысль о том, что чужие люди копались в его личных вещах, вызывала холодноватую брезгливость. Он не предполагал, что могло пропасть нечто ценное (вряд ли соседи стали бы его обворовывать), но всё же периодически пытался удостовериться в том, что тот или иной предмет, если и не лежит на законном месте, то вообще находится в квартире.

Вот когда довелось порадоваться тому, что в своё время предусмотрительно установил в квартире громоздкий сейф, в котором хранились особо важные документы, наличные деньги в рублях и валюте и главное – незарегистрированный пистолет. Ночью сейф послужил дверным запором. Сергей с огромным трудом приволок его в коридор, больше кантуя, нежели таща и царапая паркет. Увы, дверь открывалась наружу, и подпереть её не представлялось возможным, но он прислонил сейф к стене и обмотал вокруг него капроновую бечёвку, после каждого витка пропуская конец через дверную ручку.

Забаррикадовавшись, Топорков полночи наводил порядок в выхоложенной квартире, пока не понял тщетность своих усилий и не свалился спать с тяжким комом в груди. Он старался не задаваться вопросом, как мог оставить открытым кран, да ещё с вентилем, до упора вывернутым в сторону красной отметины! Раковину он, что ли, после бритья промывал? Не удивительно, что засорённый сток не справился с мощным напором водяной струи. Пора-

зительно лишь, что всё это происходит именно с ним, преуспевающим сорокалетним мужчиной с некогда горячим сердцем и холодным рассудком!

Назавтра Сергей вызвал специалиста из компании, в которой заказывал входную дверь, и полдня вынужден был провести дома, пока мастера не закончили работу по смене замков. После обеда, уже на работе, разбирая свежую почту, он обнаружил в одной из московских газет небольшую статью под кричащим заголовком «Директор страховой компании не был застрахован».

В заметке рассказывалось о том, как он, Топорков залил кипятком не только собственную квартиру, но и несколько соседних. Тон статьи был вполне лояльным, автор вроде бы отнёсся к беде пострадавших – не только соседей, но и самого виновника потопа – с пониманием, и лишь посетовал на непредусмотрительность жильцов, которые, не скупясь на евроремонты, экономят на страховках.

При этом заботливый корреспондент (несомненно, тот самый прыщавый пацан, носившийся с фотоаппаратом!) умудрился сделать снимок Топоркова в самом невыгодном ракурсе. Цветная фотография, занимавшая на полосе больше места, чем сама заметка, запечатлела директора компании – он и не заметил, когда именно его подловили – совершенно потерянным, с болезненно перекошенным лицом, на котором красовался огромный синяк. Накануне Топоркову казалось, что это неприглядное украшение, полученное почти две недели назад, уже практически слиняло. А тут, на тебе, будто только вчера подбили глаз!

– Подрисовали его, что ли? – буркнул Сергей. – Совсем обнаглели папарацци проклятые! Раздался телефонный звонок. Он поднял трубку и услышал:

– Ну, привет, Топорков. Что же ты соседей заливаешь? Нехорошо это.

– Кто это?

– А ты отгадай!

– Мне больше делать нечего, как загадки гадать! Представьтесь, или я немедленно повешу трубку.

– Что ж ты нервный такой стал, Топорков? Из-за потопа? Брось, это дела житейские... Я Марина Старчак, одноклассница твоя, если не забыл.

– Маринка? – не поверил Топорков. – Ты где? Как ты меня нашла?

– Я в Москве, работаю в автосалоне. С мужем развелась, дочь Алёна учится на третьем курсе в Менделеевском. Квартиру пока купить не могу, так что снимаю. А тебя нашла по фотографии в газете. Читаю заметку, смотрю на фото и думаю: он, не он? Прозвонила к вам в отдел кадров и выяснила, что Сергей Владимирович школу окончил в Краснодаре. Ну, думаю: точно он! Надо же, директор страховой компании! Кто бы мог подумать? Ты женат?

– Разведён, сын школьник, дочь студентка. – Топорков не стал уточнять, что дети у него от разных жён. С сыном он общается крайне редко, а дочь не ладит с отчимом и зимнюю сессию завалила, скорее всего, из духа противоречия. – Ну, слушай, Маринка, как здорово, что ты позвонила!.. Кого-нибудь из наших видела?

– Конечно. Это ты сразу после школы пропал, а я до недавнего времени в Краснодаре жила. Сейчас, правда, только во время отпуска к родителям летаю. А здесь с Юлькой Беловой общаюсь.

– Надо же, с Юлькой! И как она?

– Отлично. Артисткой, правда, так и не стала, зато по-прежнему красавица. А ещё с Сашкой Сизарёвым созваниваемся, он тоже в Москве, своя фирма, жена, двое детей... Слушай, Топорков, давай встретимся, поболтаем, вспомним, что было, и чего не было! Может, и Сашка с Юлькой подтянутся. Устроим в Москве встречу краснодарских друзей.

– Согласен. Видишь, нет худа без добра. Не залей я своих соседей и не прославился в прессе, ты бы меня не нашла.

– Это точно. А как Дюжев? Вы же вместе в Киев поступать уехали. Где он сейчас?

– Олег погиб на четвёртом курсе.

– Надо же, – горестно вздохнула Старчак. – А что с ним случилось?

– Это долгая история, – мрачно произнёс Топорков и поспешил попрощаться с затронувшей болезненную тему собеседницей: – Мариш, у меня тут срочные проблемы накопились, но я скоро всё разгребу и обязательно встретимся. Звони, не пропадай!

Вошёл Алексей Петрович и поведал шефу неутешительные новости. Сергей внимательно выслушал и злобно чертыхнулся. Понятное дело, весна – угонщики активизируются. Но за одну неделю – сразу два украденных автомобиля марки «Land Cruiser» из одного района, и оба владельца его клиенты! Это уже перебор.

Топорков ещё в прошлом году отдал распоряжение не страховать машины стоимостью свыше пятидесяти тысяч долларов без оснащения их дополнительными противоугонными средствами и заключил взаимовыгодное соглашение с компанией, устанавливающей оборудование. И вот теперь эти самые современные системы защиты дают сбой. Либо угонщики уже научились с ними справляться, либо ротозеи-владельцы и не думают заботиться о безопасности своих дорогостоящих жестянок, бросая их на одну, как им кажется, минутку у супермаркетов и кафе.

– Что делать будем? – спросил зам.

– Что делать, что делать?! – разозлился Топорков. – До закрытия возбуждённых по факту угонов уголовных дел – ничего. Потом надо тянуть время, а в худшем случае, придётся выплачивать страховки. Не хватало ещё, чтобы поползли слухи, будто «Щит» отказывается от выполнения принятых на себя обязательств. Не мне тебе объяснять, что доброе имя компании стоит дороже денег, а антиреклама – такой же платный продукт, как и хвалебные панегирики.

Алексей удалился, а Кристина сообщила по селектору:

– Сергей Владимирович, к вам вчерашний посетитель.

– Пропусти, – нехотя согласился Топорков, которому из-за одолевавших его тяжких мыслей было не до визитёров.

Вошёл мужчина лет шестидесяти в засаленной брезентовой куртке и очках, судя по толстым стёклам которых, со зрением у владельца совсем неважно. Левая рука посетителя была загипсована от локтя до кисти, правой он мял драповую кепку. «Колхозник», определил статус очкарика Сергей. Не приведи Господь, встретиться с такого рода водителем на опасном перекрёстке – ни за что не предугадаешь, в какую сторону метнётся этот подслеповатый чайник в следующую минуту.

– Слушаю вас, – произнёс директор компании, постаравшись придать своему тону столько вежливости, сколько сумел из себя выжать.

– Это я вас слушаю, – возразил дедок. – Вчера вы обещали разобраться с моим делом и принять меры.

– С каким делом? Напомните, пожалуйста, у меня их, знаете ли, каждый день десятки, если не сотни. – Несмотря на утверждение Кристины, Топорков готов был поклясться, что видит этого колхозника в первый раз, и старался, скорее, не вспомнить, а угадать суть вопроса, с которым к нему обращались: ущерб здоровью из-за поломанной руки или банальная авария? Оказалось, ни то, ни другое.

– На сотрудника вашего я жаловался. Дачка моя практически полностью выгорела, а он пишет, будто огнём нанесены незначительные повреждения. Я независимую экспертизу заказал, профессионалы посчитали убытки, а ваш агент норовит уменьшить эту сумму чуть ли не в десять раз. Зачем же тогда независимую-то экспертизу проводить, если вы сами всё решаете!

– Напишите заявление...

– Да писал уже, вы вчера вон в ту папочку положили, обещали разобраться, – как непонятливому ребёнку принялся втолковывать неопытный дачник. – Морозов моя фамилия.

Генеральный директор распахнул папку и действительно обнаружил заявление от имени гражданина Морозова. Стало быть, Кристина ничего не напутала – этот колхозник действительно уже приходил. Ну, почему же тогда Топорков не помнит ни самого посетителя, ни сути его вопроса? Неужели с памятью стало настолько плохо? Одно утешает: если это даже рассеянный склероз, но уж точно не болезнь Альцгеймера! Он точно знал, что люди с этим страшным диагнозом воспроизвести название своей болезни не могут.

В кармане завибрировал сотовый.

– Я сейчас занят, сынок, – сказал в трубку Сергей и, прежде чем нажал кнопку отбоя, успел услышать обиженное замечание:

– Ты для меня всегда занят!

Топорков уставился на замызганного визитёра невидящим взором, отнюдь не выражающим участливого понимания, но и неприкрытого раздражения – тоже. Подумалось: «И кто этого старого беса надоумил застраховать имущество?», но вслух Сергей Владимирович произнёс ровным тоном:

– Зайдите на следующей неделе.

Посетитель разразился недовольным ворчанием, а после его ухода Топорков выскочил в приёмную и отчитал секретаря:

– Кристина, ну кого ты ко мне пропускаешь? Да ещё сначала вчера, потом сегодня! Чтобы больше я этого чайника никогда не видел, и ему подобных – тоже! Уяснила? Ну, и славненько. Что там у нас с квартирой?

– Подобрала два варианта в Юго-Западном районе, созвонилась с хозяевами. Обе квартиры двухкомнатные, как вы просили, со свежим ремонтом и добротной мебелью. Владельцы хвалят, но нужно посмотреть. Мне проехаться по адресам, или сами?

– Сам.

Остановившись на первом же варианте – уютная квартирка в тихом дворе его вполне устроила – Топорков оставил хозяйке предоплату за полгода вперёд. Приехав домой, чтобы забрать необходимые вещи и телевизор, он ещё раз удостоверился в том, что сносное существование в его подмоченном логове невозможно, и похвалил себя за умную мысль о переселении. Поживёт пока в съёмной квартире, а после того, как отремонтирует свою, решит, остаться в ней или купить новую.

Сергей зашёл к соседу этажом ниже справиться о денежном выражении предъявляемых претензий и, услышав озвученную сумму, поперхнулся:

– Послушайте, вы в своём ли уме? За что вы просите такие деньги?

– Как за что? – взвился сосед. – Мне же теперь придётся полный ремонт делать, сколько времени и денег потратить! Мебель покорежилась, кухонный гарнитур разбух, телевизор сгорел!

– Мебель у вас, положим, не новая.

– Но покупать-то придётся новую!

– Я должен заплатить за то, что по моей вине повредилось или пришло в негодность, а не за то, что вы мечтаете заполучить взамен!

– В таком случае разговаривать мы с вами будем в суде.

– С моим адвокатом.

Сергей почувствовал, что нервы у него взвинчены настолько, что дыхание перехватывает, и пробормотал: «Всё перемелется». Снеся свои пожитки в машину, он уехал обустраиваться на новом месте. А через неделю был поставлен в известность о том, что иски о возмещении материального и морального ущерба подали четыре семьи, в том числе и пенсионерка, проживающая за смежной с его квартирой стеной, намокание которой оценила в сто тысяч рублей. Но это были цветочки по сравнению с притязаниями троих других пострадавших.

– Ну, народ, ну, народ, – вслух возмущался Топорков. – Уже не знают, каким образом нажиться на чужом несчастье.

Он понимал: удовлетвори суд все иски в полном объёме – его собственная квартира в этом злосчастном доме уйдёт за долги. Дал юристу указание биться за каждый рубль, а себе приказал не растравливать душу навалившимися неприятностями. И без того сердечко начало пошаливать, так что надо беречь здоровье, которое дороже всех возможных потерь.

Письмо длиною в жизнь

«Привет, Саша!

Как поживаешь? Ирина Калинюк передала мне твои координаты. После школы много воды утекло, и можно ли тогда было представить, что когда-нибудь мы свяжемся по электронной почте, и что таковая вообще появится? У меня всё хорошо: семья, сын, друзья, материальный достаток. Живу в родном городе. Бывали и взлёты, и падения, сейчас наступил период относительного покоя. А как поживаешь ты?».

«Привет, земляк! Рад был получить весточку. Но кто ты?».

«Здравствуй, Саша!

Конечно, где тебе догадаться, кто именно написал загадочное письмо, составленное таким образом, что даже пол автора остался непонятен. А это всего лишь я, Лара Ольшанская, часто вспоминающая наш десятый «а», в котором училось столько неординарных личностей, непохожих одна на другую, несмотря на повторяющиеся имена. Нам ещё повезло, в нашем классе было всего две Ирины, а в параллельном – аж четыре! И Александров, и Олегов у нас было по два, зато Лара одна...

Известием, неожиданно полученному о тебе, предшествовало весьма символическое событие. Недавно я была у мамы, понадобилась английская булавка, и я открыла старую шкапулку в уверенности, что найду там, что мне нужно. Среди пластиковых клипс и мельхиоровых брошек, которые я носила в юности, обнаружила крошечный целлофановый мешочек с волнистой прядью тёмно-русых волос и сильно удивилась: чья бы она могла быть, и с каких времён хранится? Не смогла припомнить и кинула обратно в шкапулку. А после Иркиного звонка снова наведальсь к родителям, забрала все свои школьные дневники и в одном из них прочла, что в один прекрасный день, когда считала, что мы видимся в последний раз, я срезала на память прядь твоих волос, а ты распереживался – не испортилась ли причёска...

Несколько дней я посвятила чтению многочисленных тетрадей и блокнотиков, в которых вела личные записи в девятом-десятом классе и ещё два года спустя, пока не вышла замуж.

Столько всего тёплого и одновременно грустного нахлынуло, пока я листала эти пожелтевшие страницы с вклеенными в них любовными записочками и загадочными рисунками на полях! Не знаю, что для тебя значит наш класс, и кого из ребят ты чаще вспоминаешь, но для меня два последних года в школе памятли не скучными уроками и детскими проказами, а историей первой любви. О ней и напишу.

Я влюбилась в тебя во сне через неделю после того, как впервые увидела. Но сначала я о тебе услышала...

Мы с Любой Кудиновой дружили с первого класса, а после восьмого вместе перешли в вашу школу, поскольку считалось, что педагоги в ней сильнее, а процент поступаемости в вузы выше, чем в нашей прежней. Твоя и Любина старшие сестры – Ольга и Светлана, если помнишь, учились в одной группе мединститута. Светлана постоянно рассказывала, какой замечательный младший брат у её подруги – и умный, и красивый, и спортивный, и как будет хорошо, если Люба, перейдя в новый класс, тут же *«захомутает выгодного жениха, а Ларка лопнет от зависти»*.

Бесхитростная Люба передала мне этот разговор. Последняя фраза меня покорила, в таких выражениях изъяснялись только «кубаноиды». А дух противоречия не позволил мне, пятнадцатилетнему подростку, признать за тобой заранее описанные достоинства. Я была отчаянным нонконформистом, все говорят: «хорошо», значит, плохо и, впервые увидев тебя, спросила:

– Этот воображала и есть знаменитый Сизарёв?

Первого сентября ты был *«весь день на арене»*. Учителя, преподававшие у вас с первого класса, постоянно вызывали тебя к доске. Я не могла не признать, что ты блистал, выказывая разносторонние знания и влёт решая сложные задачи, и потому ещё сильнее разозлилась. Купила красивый блокнот, назвала его *«Дневник пятнадцатилетия»*, оклеила картинками из глянцевого журнала, и на одной из первых страниц написала: *«Если бы только этот Сизый знал, как я его ненавижу!»*. Неделю спустя пришлось заводить толстую клеёночную тетрадь, в которой я почти ежедневно строчила *«Неотправленные письма»*, начиная их словами *«Здравствуй Сашенька!»* и заканчивая пылкими признаниями в любви вперемешку с описаниями бурных обид...

В ночь на восьмое сентября мне приснился сон. Ты стоял на вокзале в своей белой тенниске, собираясь уезжать, а я тебя провожала и плакала, плакала. В общем-то, тот первый сон о тебе оказался вещим: в конечном итоге нам предстояла разлука, и хотя я не провожала тебя на вокзале, но наревелась за время наших затяжных и странных отношений предостаточно. Вот и в то утро, восьмого сентября, проснулась вся в слезах, храня на кончиках пальцев ощущение от прикосновения к твоей мускулистой загорелой руке в том месте, где заканчивался короткий рукав, и внезапно поняла: всё, влюбилась! Такое и раньше случалось, но никогда ещё в моих влюблённостях не было сексуального окраса, и сердце не замирало от мысли, что до нравящегося мальчишки можно дотронуться...

Сам понимаешь, Любе я ничего рассказать не смогла, тебя ведь прочили ей в женихи. Одно было утешение – ты не выделял её среди других девчонок, впрочем, и меня – тоже нет. Вот и приходилось *«любоваться украдкой, да писать в тетрадку»*, пересказывая тебе произошедшие с нами события, которые ты, конечно же, сколько-нибудь выдающимися не считал. Были, например, такие строки: *«Вчера мы одновременно вышли после физкультуры из разных раздевалок, резко столкнулись в полутьме и испуганно отпрянули друг от друга. Спросишь, что тут интересного? Наверное, ничего. Но мне лишь бы что-то писать о тебе, и я готова запечатлевать на этих страницах каждое слово, каждый взгляд»*. Я подробно описала обсуждение *«Преступления и наказания»*, в ходе которого ты почему-то принялся оправдывать преступление Раскольникова. После урока я спросила:

– А ты смог бы убить старушку топором?

– Не знаю. Может быть.

Я сочла, что ты не способен на преступление – нет в тебе той бесшабашной отчаянности и уверенной вседозволенности – и тут же позавидовала Сонечке Мармеладовой, потому что она *«обрела своё счастье, последовав за Раскольниковым в Сибирь»*. О, я бы за тобой!.. Если бы только взял.

С первых месяцев в новом классе мы с Любой подружились с Ирой Калинюк и Наташей Переверзевой, и наша четвёрка была такая яркая и шумная, что стала своеобразным центром притяжения. Мы повсюду вместе – и в комитете комсомола, и в походах в горы, и в побегах с уроков, к нам тянулась большая часть класса, в том числе и вы с Валеркой Чирковым...

Почти каждый вечер наша *«великолепная четвёрка»* собиралась у кого-нибудь дома, чаще у Иры Калинюк, ведь она после того, как её родители развелись и завели новые семьи, жила совершенно одна. Слушали западную музыку, напяливали мамины наряды, баловались плюшками, лишь изредка позволяли себе бокал шампанского и совершенно не курили. В общем, приличные такие были девочки, нецелованные. Но последнее, как вскоре оказалось, дело поправимое...

Ирину и Наташу я вскоре полюбила больше Любы, которая вдруг стала для меня слишком правильной и даже *«пресной»*. В младших классах я априори считала Любу умнее и красивее себя, но в девятом охотно согласилась с папой, который говорил, что моя подруга добивается отличных оценок благодаря усидчивости, а я талантливее, но несобранна.

И мамины слова о том, что у Любы *«нечёткое, расплывчатое лицо, словно не до конца проявленная фотография»* стали казаться справедливыми. Об этом я даже написала в своём дневнике под девизом *«На память о глупостях детства и юности»*. Но насчёт «глупостей» я кокетничала. На самом деле, всё происходящее с нами казалось умным и важным, а моя любовь к тебе стала тайной болью и болезненной тайной, которой я ни с кем не делилась.

Люба называла тебя «вытыкалой» и нахалом, потому что ты слишком хорошо учился, был «от каждой бочкой затычкой», влезал во все разговоры и позволял себе откровенные взгляды и развязные шуточки. Я плохо знала тебя и гадала: то ли при общении с девчонками ты прикрываешь смущение наглостью, то ли наоборот? Рассуждала: *«Почему в самом начале Саша мне не нравился, а теперь я просто без ума от него? Ведь он совсем не изменился – а лишь моё отношение к нему. Его смех, что так раздражал, теперь волнует. Внешность, которая казалась отталкивающей, вызывает неопишное восхищение. Должна признать, что он необыкновенно красив. Волосы русые, волнистые на концах. Глаза серо-синие, такие чистые и открытые. А фигура спортивная, атлетическая. Люба смотрела, смотрела на физкультуре на Сашу, пока он, красуясь, вальяжно расхаживал без майки по залу, и вдруг сказала: „Ну просто Давид Микеланджело!“ Я внутренне вздрогнула. То же самое сравнение крутилось у меня в голове... Неужели и она влюбилась в Сизарёва? А он? Наверное, нет, ведь Люба на два месяца старше Саши, да ещё и носит очки»*. Вот на какие актуальные критерии тогда ориентировались!

При удобном случае я осторожно расспросила Ирину Калинюк о твоих прежних увлечениях, ведь вы учились вместе с первого класса.

– Разве ты не знаешь? – удивилась она. – Сашка в Юльку Белову влюблён.

– Но ведь он ни разу даже не взглянул в её сторону...

– Зато в восьмом классе ни на шаг не отходил, потом стишки какие-то отнёс, а она его чуть ли не публично обсмеяла. Так что теперь Сизый её демонстративно игнорирует. Зато в вашу с Любой сторону откровенные взгляды бросает. Явно, клеит. Да и ты вроде...

– Ладно тебе, глупости всё это, – возразила я.

Однако против хрупкой красавицы Юли возразить было нечего. Она была вся какая-то неземная, про таких говорят, «не знаешь, на какой козе подъехать». Белова мечтала стать актрисой, занималась в драмкружке, но общественные мероприятия принципиально не посещала, словно присутствие на этих «междусобойчиках» было ниже её достоинства, и дружила только с Мариной Старчак. Когда наши мальчишки организовали школьный ансамбль, Юльку долго упрашивали стать солисткой, но она упрямо твердила:

– В самодеятельности не участвую.

Узнав, что ты любил (и, может, всё ещё...) Белову, я невольно принялась ей подражать и частенько принимала отстранённо-холодный вид, хотя мне более свойственен был романтически-лирический настрой. Выпросила у мамы такой же белый плащ и розовую крепдешинную косынку, как у Юли. Плащ мне шёл, а косынка – нет. Слава Богу, хватило ума носить её на шее, а не на голове, и отказаться от идеи сделать короткую стрижку «а ля Белова».

А с ансамблем однажды вышла прикольная история, ставшая впоследствии легендарной. Ты, конечно, помнишь, ведь ты в нём играл на гитаре и организовывал школьные дискотеки, для ведения которых мальчишки взялись оборудовать актовый зал. Аппаратура в школе имелась, и вы приволокли ёлочные гирлянды для модной тогда светомузыки. В кабинете географии выпросили огромный истёртый глобус и целый месяц оклеивали его кусочками зеркал, для чего девчонки пожертвовали сотней пудрениц. Этот зеркальный шар вращался под потолком зала, отражая разноцветные огни. Как-то мы собрались в зале, долго рассуждали, как бы усилить световой эффект, и ты вдруг заявил:

– Пары световых по углам не хватает.

Все рассмеялись, и репетиция началась. Одну патриотическую песню к предстоящему официальному празднику даже позволили спеть нашей четвёрке, и мы страшно этим гордились. А через пару часов кто-то стал ломиться в запертую дверь зала. Открываем – стоят Сашка Тюленев и Игорь Седых, и каждый держит в руках по светофору! Мы, конечно, сначала принялись хохотать, потом перепугались: где они их раздобыли? И ребята честно признались, что просто-напросто среди бела дня влезли сначала на один столб, потом на другой, да с самым деловым видом и свинтили трёхцветные фонари, что были призваны регулировать движение на дорогах, а послужили мигалками для наших дискотек! Игорёк с Сашкой в глазах девчонок выглядели героями, хотя мы ещё долгое время опасались последствий их рискованного поступка. Но обошлось...

Как-то ты позвонил Любе и сообщил, что «горит» билет на концерт. Она ответила, что не составит тебе компанию, так как нет настроения. Я расстроилась, что ты пригласил именно её, но ещё сильнее покорило замечание Любиной сестры, которая сказала: *«Зря ты отказалась. Такими мальчиками, как Саша, не разбрасываются. Ларка вот бегом побежала бы»*. Вот уж не знаю. Я ведь такая гордячка была, и формулировка «горит билет» меня бы задела. Вот и приходилось фиксировать брошенные тобой на меня взгляды и мучительно раздумывать над каждой оброненной фразой: к чему бы это?

Я частенько «позировала», застывая в выгодных ракурсах – головку повыше, подбородок подпёрт кулачком – в надежде, что ты на меня посмотришь. И иногда ты даже «гипнотизировал» неотрывным взглядом, заставляя теряться и краснеть. При этом на меня откровенно тарачился и Сашка Тюленев, чьи взгляды меня вовсе не смущали и не радовали. Я даже как-то написала ему записку, попеняв на то, что это неприлично...

Вечерами я звонила тебе с Иркиного домашнего телефона – своего не было – и молчала. Однажды ты сказал:

– Ну, что молчишь? Если любишь, так и скажи.

Сочтя, что ты понял, кто звонил, я в испуге бросила трубку и уговорила Калинюк набрать твой номер и «признаться», что это она от нечего делать баловалась. Ирина меня тогда выручила и, наверное, догадалась, что все эти звоночки неспроста.

У нашего классного руководителя Михаила Захаровича в любимчиках ходил ты, может потому, что блистал на его уроках математики. Зато Римма Константиновна больше всех восхищалась мною, как единственной в классе, всерьёз относящейся к литературе. Я собиралась поступать на филологический факультет, принципиально не читала критической литературы и категорично высказывала по поводу классических произведений собственное, казавшееся таким оригинальным, мнение.

Была поздняя осень, погода стояла промозглая, сырая, слякотная, и полкласса грипповало. Похоже, и ты тоже, но на уроке русского языка всё же присутствовал. Я сидела на пару рядов дальше и чуть наискосок от тебя, и эта была очень удобная позиция, чтобы сколько угодно, не таясь, разглядывать твой греческий (как мне казалось) профиль. Цвет твоего лица был красным, а выражение страдальческим. Я чувствовала, что ты заболел, жалела и смотрела с состраданием и печалью. Но Римма Константиновна истолковала мои переживания на свой лад и сказала:

– Ларочка, я вижу, тебе нехорошо. Иди домой.

Мои возражения в стиле «чувствую себя прекрасно» оставили строгую преподавательницу непреклонной:

– Понимаю, что тебе, как очень ответственной девочке, не хочется покидать урока, но здоровье важнее. Опасно переносить грипп на ногах, могут возникнуть осложнения.

Ничего не оставалось делать, как собраться и уйти! Не могла же я сказать:

– На самом деле болен Саша, отпусти его, а лучше... вместе!

Любой день, когда я не видела тебя, считался потерянным, вычеркнутым из жизни. Есть такая запись: *«Сегодня Саша и Валера будут бегать кросс за честь школы. Их забрали с двух последних уроков. Безбожно!»*. Потому-то я так любила субботники, походы в кино и классные вечеринки, что можно было находиться вблизи от тебя в неформальной обстановке.

Но на субботники ты или вовсе не являлся, или, куражась, отлынивал от работы. В лучшем случае завлекал девчонок разговорами, пока они скребли, мели и чистили. После вашего с Валеркой очередного демонстративного ухода с субботника девчонки выпустили «Молнию», где я описала ваш побег в стихах. А в понедельник тебя же и попросила: *«Саша, повесть, пожалуйста, стенгазету!»*. Ты проглядел текст, мило улыбнулся и ласково спросил: *«Автора тоже?»*. С программных фильмов, на которые нас загоняли строем, ты сбегал, как только в зале гасили свет. Так что оставалось уповать лишь на вечеринки, на которые мы в преддверии праздников собирались у кого-нибудь дома.

Первым таким вечером стал предновогодний. Тридцатого декабря – Любин день рождения. Мы с девчонками зашли её поздравить, выпили шампанского и ушли, а бедная Люба, вынужденная скрываться, осталась дома. Дело было в том, что сестра решила сделать Любе модную стрижку, но маленько не рассчитала. Пришлось идти в парикмахерскую и выправлять положение – в результате волосы у именинницы оказались короче, чем у любого из наших пацанов. Куда в таком виде покажешься? Пока не отрасли волосы, Люба ходила в школу в платочке, притворяясь, что болят уши.

А мне по случаю вечеринки мама купила с рук модную кофточку и сшила расклепённую юбочку, но вышло неудачно – клинья топорщились, и приходилось постоянно приглаживать их руками. Но всё равно я знала, что со своими подкрашенными длинными ресницами, с собранными в хвостик пепельными волосами и пышной чёлочкой, я была очень красива в тот вечер, словно кукла Барби, и девчонки говорили мне об этом. Жаль, не ты.

Зато я впервые танцевала с тобой медленный танец, который выражался в том, что пары топтались на месте, и некоторые мальчишки крепко прижимали к себе нравящихся девчонок. Ты прижимал всех подряд. Пригласил меня, подвёл к выключателю и щёлкнул по нему. Света Строганова тут же включила свет – ты снова выключил, и так весь танец. Я не обращала внимания на освещение, поскольку сердце в тот момент замирало от ощущения твоего разгорячённого тела и мускулистых рук. Пребыванием в такой тесной близости с тобой я была смущена до невозможности, скована до неловкости и постоянно спотыкалась. Ты вдруг спросил:

– Как ты считаешь, я пьян?

– Немножко, – на самом деле я считала, что очень сильно. – Видишь, тебя даже покачивает.

– Это не от водки.

Я не решилась спросить: от чего же? Уж очень хотелось услышать: «От тебя», но рассчитывать на такой ответ не приходилось, и я заметила:

– Когда я танцевала с Тюляевым, я не спотыкалась!

– Это понятно, он же Тюлень, – рассудительно произнёс ты, словно поражаясь моей недогадливости. – У него же не ноги, а лапы, на них можно смело наступать и скользить по паркету!

Я лишь улыбнулась в ответ – Сашка ещё месяц назад признался мне в любви, получил ответ в стиле «прости, люблю другого», и в тот самый момент напряжённо-ревниво следил за твоими руками, сомкнувшимися за моей спиной... Собираясь уходить, я ловко спровела собравшегося провожать меня до дома Тюленя, и все долгие зимние каникулы мне только и оставалось делать, что вспоминать эту сказочную вечеринку, которая предоставила естественный повод обниматься с тобой и чувствовать на своей пылающей щеке твоё обжигающее дыхание...

На двадцать третье февраля девчонки скинулись по десять рублей, припахали хозяйственных мам, приложили собственные немногочисленные умения, помноженные на усилен-

ные старания, и накрыли у Ирины для мальчишек стол. Чего у нас там только не было: и салаты, и горячие блюда, и пирожные. Правда, из спиртного взяли для проформы лишь пару бутылок шипучки...

Мальчики потом говорили, что вечеринка прошла скучновато, и к восьмому марта сделали ответный ход. На вашем столе красовалась целая батарея бутылок с водкой, вином и пивом, и где-то в уголке притулилась пара тарелок с бутербродами и солёными огурцами. Мы с девчонками весь вечер только тем и занимались, что потихоньку утягивали со стола бутылки и прятали их по шкафам и за диваны, но всё равно все пацаны напились!

Свету Строганову Вовчик засёк в кухне в тот момент, когда она засовывала початую бутылку с водкой в пустую кастрюлю, и кинулся отнимать. Светка перевернула бутылку над раковиной, и Вовчик, не успевший её выхватить, заткнул горлышко снизу пальцем, чтобы ценный продукт не вытекал. И тогда Света его за этот палец укусила! Но мужественный защитник сорокаградусного напитка не дрогнул и, изловчившись, всё же завладел поллитровкой.

Мы с тобой снова танцевали, и эти официально дозволенные объятия, балансирующие на грани неприличия, приводили меня в лихорадочный трепет. Захлёстывающие неокрепший разум бурные эмоции я поверяла лишь бумаге, ежедневно строка «Неотправленные письма». С них-то, вернее, с момента их исчезновения, началась новая веха в наших с тобой отношениях. Иногда я брала этот дневник в школу и на скучных уроках потихоньку вела записи, прикрывая всю страницу, кроме последней строчки, чистым листком. А как-то пришла домой и – о, ужас! – не обнаружила тетради в портфеле. Вернулась назад, обошла все кабинеты, проверяя парты, за которыми сидела. Ничего! В отчаянии помчалась к Ирке и принялась обзванивать девчонок, осторожненько спрашивая, не попала ли к ним случайно в портфель чужая тетрадка. Все были в глухом отказе. Оставалось только тебе позвонить! Самое смешное, я была не так уж далека от истины.

На следующий день на уроках я сидела как в бреду, косясь по сторонам и пытаясь по реакции мальчишек и девчонок определить, кто же стал обладателем моей тайны. В каждом взгляде мне чудилась насмешка, в каждом слове – намёк. После школы я опять пришла к Ире, не в силах выдержать душевного напряжения, разревелась и всё ей рассказала: и о любви к тебе, и о том, что пропавшая тетрадь была личным дневником. Ирка не столько меня пожалела, сколько отчитала:

– Ну, ты даёшь! Кто же записывает личные секреты? Даже если что-то сотворила, наберись наглости и скажи: я этого не делала! А ты добровольно пишешь «чистосердечные признания»!

Пришла Люба и по моему зарёванному лицу поняла: что-то случилось. Но я не раскололась, а Ирка вдруг предложила *«глотнуть таблеточку и забыться»*. Таблетки назывались «Эфедрин» и, как позже выяснилось, производили наркотический эффект. После приёма нескольких штук разом у меня в ушах застучало, сердце принялось выпрыгивать из груди, в голове помутнело. Какое уж тут успокоение! И тут раздался телефонный звонок. Это был твой друг и сосед Валера Чирков, самый высокий и благородный в нашем классе. Он спросил у Ирки, не у неё ли я. Мне передали трубку, и я с изумлением узнала, что Валера хочет отдать мне какую-то тетрадь. Я схватила за руку ничего не понимающую Любу и поволокла её за собой. По пути купила три гвоздики, вдруг вспомнив, что на днях мы с Валеркой поспорили о какой-то ерунде на букет цветов, и я проиграла.

Позвонила в дверь. Валерка открыл уже с «Письмами», видно, ждал. Я выхватила тетрадь из его рук:

– Зачем ты её украл?

– Ничего я не крал. Мне после уроков отдала Лена Савченко, сказала, чтобы я прочёл и передал Сизарёву. Но я открыл, смотрю – на первом листе твоя фамилия...

– Что же ты, когда сам почитал, Сизарёву не передал?

- Да не читал я, – мягко возразил Валера. – Понял, что это личное.
- А почему тогда сразу не отдал? Уже шесть вечера.
- Я после школы на тренировку пошёл, только что вернулся.
- Всё ты врёшь! Кстати, я проиграла тебе букет...
- Да ладно, Лара, это не важно...
- Нет, важно. Сволочь ты благородная!

С этими словами, смутно соображая, что творю, я швырнула бедному Валерке в лицо три гвоздики в целлофане и потащила растерянную Любу прочь. Я была уверена, что Валерка мои записи прочёл, и уж если не показал тебе тетрадь, то однозначно пересказал содержание. Кроме того, Ленка Савченко в открытую бегала за Серёжкой Топорковым, и я заподозрила, что она отдавала «Письма» и ему. Ещё бы – такой повод заинтересовать объект своего внимания! Ведь Топорков чужие тайны любил, а благодаря своей природной наблюдательности и умению задавать каверзные вопросы, часто оказывался в них посвящённым. Вернувшись к Ирине, я позвонила Сергею, и он признался: да, накануне Лена принесла ему тетрадь и сказала, что я просила прочесть...

– Это я писала повесть о первой любви для журнала «Юность», – в отчаянии солгала я.

– Я так и понял, – спокойно ответил Топорков, и я его сразу же люто возненавидела. Как и Валерку, которого до того дня считала обходительным и рыцарственным парнем.

На перемене я устроила Савченко форменный разнос, обозвав её воровкой, лгуньей... и чем-то ещё в таком же духе. Ленка только трясла чёрными кудряшками, закатывала к потолку узкие глаза и шмыгала покрасневшим носом. У неё был нескончаемый насморк, и никогда не было носового платка. В памяти до сих пор чётко стоит картинка: она сморкается в хомут своего розового мохерового джемпера, я с содроганием протягиваю ей платочек, но она только отмахивается: не стоит, мол...

Училась она плохо, часто пропускала занятия, а её предки никогда не посещали родительские собрания, которые мы называли «Али Баба и сорок разбойников», так как Михаил Захарович считал необходимым приглашать и пап, и мам сразу. Не у всех получалось придти, и общее количество родителей обоих полов обычно равнялось сорока. Ленка отсутствие своих родичей объясняла тем, что «мама болеет, а папа в командировке». Маму она, видно, очень любила, потому что многие фразы начинала со слов «мы с мамой»...

Как-то Михаил Захарович после уроков попросил меня задержаться и, как самой яркой активистке, дал поручение навестить Лену Савченко: утром она позвонила ему и предупредила, что заболела. Я добросовестно отправилась по данному адресу. То, что я там узнала и увидела, потрясло меня, девочку из благополучной семьи, настолько, что как угорелая побежала назад в школу, разыскала в учительской Михаила Захаровича и скороговоркой выпалила ужасающие новости.

Во-первых, самой больной дома я не застала. Во-вторых, никакой матери у неё нет, живёт с отцом и бабушкой. А в-третьих, отец у Ленки сильно пьёт, а его пенсионерка-матушка явно сумасшедшая. По крайней мере, разговаривала она со мной весьма странно и при этом отстранённо вязала нескончаемый шарф, который явно превысил три метра в длину. О том, что Ленка «шляется», мать её сбежала с другим мужчиной, а отец каждый день возвращается с работы «на рогах», бабушка сообщила невозмутимым тоном в одном ряду с сетованием на дорогое мясо и сбежавшее молоко.

Михаил Захарович печально посмотрел на меня своими дымчатыми глазами и тихо попросил:

– Ты, девочка, никому об этом, пожалуйста, не рассказывай. Не надо.

И так убедительно он это сказал, что я вдруг всё поняла и действительно никому не выдала Ленкиных тайн, даже своим девчонкам. В тот день я простила Ленку за мой дневник, за её вечную ложь, сплетни и сопли...

Но тогда, сразу после истории с пропажей и возвращением «Писем», совершенно растерялась: что мне делать с тобой? В смысле, как теперь себя вести, когда – я была уверена – моя тайна раскрыта? Признаться в любви откровенно, как Татьяна Ларина: «Я к вам пишу, чего же боле?», или делать вид, что ничего не случилось, дескать «я – не я, тетрадка не моя»? Ты сам подсказал мне выход. Тридцатого мая мы отмечали последний звонок, который прозвучал для нас по случаю окончания девятого класса. После чего мы собрались у Ирины на вечеринку, ты пригласил меня на танец и сказал:

– Если я задам тебе вопрос, ты ответишь честно?

– Да.

– Я тебе нравлюсь?

– Да.

– Ты действительно писала мне письма?

– Это уже третий вопрос. Но всё равно «да».

Ты сиял, как надраенный самовар, словно получил заслуженную награду, и мне стало страшно обидно, что вслед за моими тремя «да», ответных признаний не последовало. Ты всего лишь сказал, что *«подумаешь, как с этим быть»*. Задумчивый!

Меж тем наступили летние каникулы, в течение которых мы не встречались, поскольку уезжали из города, ты – в лагерь, я – в станицу к тётке. Начала нового учебного года я ожидала с лихорадочным нетерпением, а первого сентября увидела тебя в школьном дворе, поняла: по-прежнему люблю – и тут же вступила в необъявленную войну. Ты смотрел на меня, и я зло спрашивала:

– Что?

– Ничего, – терялся ты.

– Ну, раз ничего – так и нечего!

Ты подходил с идеей, я нетерпеливо отмахивалась или откровенно грубила в ответ. Как-то смотрелась в зеркальце, ты подкрался сзади и заглянул, я тут же поднесла пудреницу к твоему лицу.

– Ну, и кого ты там видишь? Кучерявого барана? – И тут же устыдилась собственного хамства, пошла на попятный. – Обиделся?

– Да нет, – по-философски грустно ответил ты. – Я же понимаю, когда маленькие дети хотят выказать кому-либо интерес, но не могут себе этого позволить, они начинают всячески изводить нравящийся объект.

Я смутилась, возразить-то было нечем, а ты продолжил:

– Слушай, давай заключим пакт о ненападении.

– Давай, – вздохнула я и терроризировать тебя перестала, старалась быть при нашем общении естественной и «однотонной», как и со всеми другими мальчишками, но получалось не очень. Меня раздирали на части обида, боль и ревность. Как-то в школьном коридоре ты разговаривал с Маринкой Старчак, и она вдруг провела рукой по твоим волосам. Дома я записала: *«А ты как кот: кто хочет – пусть и гладит!»*.

Да тут ещё в твоих речах стала часто проскальзывать тема женитьбы. То скажешь, что жена должна *«как кошечка лежать на диване для красоты и ничего не делать»*. То заявишь, что *«надо гулять, пока гуляется, а жениться после двадцати семи лет на «светленькой и фигуристой»*. Под последнее определение я подходила и готова была лежать на твоём диване круглыми сутками, изображая хоть кошечку, хоть собачку, но ведь после двадцати семи я превращусь в древнюю старуху, и ты найдёшь какую-нибудь помоложе! Стало быть, мне не светит...

И тогда в моей жизни появился Андрей Журавлёв. В общем-то, он давно уже нарисовался, но тут эффектно вышел на сцену во всей своей красе. Это был симпатичный спортивный и всесторонне развитый парень, на год старше меня, уже студент, и из очень обеспеченной

семьи. Я познакомилась с ним случайно в художественной галерее, он носил меня на руках, писал стихи, дарил цветы, и с нами постоянно происходили удивительные приключения. То мы в два часа ночи спасаем котёнка, залезшего на дерево, то сами спасаемся от бандитов, то тайком уезжаем вдвоём на всё воскресенье на его машине в Джубгу и прыгаем с крутых скал в открытое море. Песню, которую он для меня сочинил, мы с девчонками спели на школьном вечере, посвящённом теме «Любовью дорожить умеете».

И всё здорово, если бы этот невообразимый парень существовал не только в моём богатом воображении! Ощущая мучительную потребность являться для кого-то необыкновенной, любимой, желанной, (рохля Тюляев не в счёт), я оправлялась на концерт не с папой, а с Андреем, а наутро с восторгом рассказывала девчонкам, как чудно провела время. И настолько я была небрежно убедительна, что они охотно мне верили, да и я себе – тоже. Иногда я подстраивала ситуации, при которых обрывки этих разговоров долетали до твоих наострённых в нашу сторону ушей. Я старалась придерживаться самопровозглашённого стихотворного принципа:

*А меня не терзает грусть,
Я теперь весела постоянно.
Ты не любишь меня – и пусть!
Ты не любишь меня – и ладно!*

Но случались дни, когда от тоски по тебе не спасал даже мифический поклонник. Однажды на перемене я сидела за партой одна, ко мне подсел Сашка Тюляев и спросил:

– Почему такая грустная? Это Сизарёв тебя опять обидел?
– Придурок он, – зачем-то процедила я сквозь зубы.

В этот момент ты вошёл в класс, Тюляев подошёл к тебе и демонстративно ударил по щеке. Ты опешил только на мгновение, но тут же внутренне собрался, ловко заломил Сашке руки за спину и, красуясь, склонил его передо мной в пояском поклоне. Я была поражена вовсе не твоей убедительной победой над неспортивным тёзкой, а бешеной, животной яростью, что пылала в его глазах. Они даже стали казаться не синими, как твои, а чёрными, словно непокорный дух диких предков – то ли казаков, то ли черкесов – проснулся в этом добродушном на вид парне, который накануне написал мне бездарные стишки в стиле: «Но я тебе не люб, не мне твоих касаться губ».

– Отпусти ты его, – в сердцах сказала я тебе, а вечером записала:

«Люба где-то вычитала, что когда тебя домогается нелюбимый человек, муки испытываешь не меньшие, чем когда отвергает любимый. По-моему и то, и другое одинаково. Правда, Тюленев, который с меня глаз не сводит, становится с каждым днём всё противнее, и всё меньше его жалко. А боль от собственного неразделённого чувства к Сизарёву всё острее...».

В декабре состоялась предновогодняя вечеринка, на которой ты часто приглашал меня танцевать, впервые пошёл провожать, и у двери моего подъезда случился наш первый поцелуй. Я замерла от твоей самоуверенности и неожиданности момента и почему-то мысленно стала считать: «Раз, два, три»... Как на свадьбах после крика «горько» кричат гости новобрачных. На цифре «восемь» я вырвалась и убежала вверх по лестнице, и полночи потом не могла заснуть под впечатлением от свершившегося чуда. Ощущение было таким, будто кто-то прикоснулся рукой к обнажённому сердцу.

На этот раз Любе не пришлось встречать свой день рождения с коротко обрезанными волосами и в одиночку. Она перенесла празднование на новогоднюю ночь и, выпроводив родителей, пригласила в маленькую двухкомнатную квартиру весь класс. Пришли, как обычно, человек двадцать. Некоторые ребята на вечеринках никогда не появлялись, например, Юля Белова, которая считала посещение наших сборищ пустой тратой времени. Анжеле Кочарян по вечерам не выпускали из дома родители, а рыжий и вечно потный тихушник Олег Верников никак не мог взять в толк: а что там делать?

Любину бабушку спровадить из дома не удалось, и она как швейцар открывала всем двери. После распития первой бутылки у мальчишек пошёл такой прикол: выпрыгивать с балкона второго этажа, возвращаться и звонить в дверь. В конце концов, бедная старушка замаялась встречать, как ей казалось, бесконечных гостей и возопила:

– Любка, да сколько же ты приглашала?! Куда их всех девать-то?

Ты напился очень быстро, почувствовал себя плохо и вышел во двор (на этот раз по лестнице) «охладиться» на лавочку. Я заварила крепкого чая и спустилась к тебе. Едва отхлебнув пару глотков, ты отставил чашку и дёрнул меня за руку так резко, что я полетела вниз и приземлилась на лавочке рядом с тобой. Не дав опомниться, принялся меня целовать. Выскочившую в одной открытой кофточке, меня трясло от декабрьского холода и внутреннего жара, вызванного твоей неожиданной пылкостью. Потом мы поднялись в квартиру, и часа три безостановочно танцевали и целовались...

Первого января я проснулась одна дома после недолгого, мучительно-тревожного сна и принялась истерически реветь. Горькими слезами и громкими причитаниями довела себя до полного изнеможения и поняла, что немедленно умру от одиночества. Шатаясь от внутренней боли, с распухшими от слёз глазами, пошла за Любой, приволокла её к себе и только тут объявила:

– Я с Сизарёвым целовалась!

– Когда это ты успела?

– Что значит, когда? Всю ночь напролёт!

Люба, которая сама целовалась с Серёжкой Топорковым, конечно же, ничего не заметила и недоумённо спросила:

– Ну? И чего так реветь-то?

– Да как ты не понимаешь? Он же меня не любит, а теперь ещё и уважать перестанет. Я для него всего лишь «девочка на вечер». Не могу так, не хочу!

Как позже выяснилось, Ирка Калинюк в ту ночь, как золотая рыбка, безнадежно трепыхалась в цепких объятиях своего соседа по лестничной клетке Коли Прокудина и также потеряла статус нецелованной. В моём дневнике появилась такая запись: *«Таким образом, три девицы из нашей четвёрки согрешили, и лишь Наташку Переверзеву черти в аду будут поджаривать за двойки».*

Очередная веха наших с тобой непростых отношений развивалась по принципу, о котором я просила под самое утро новогодней ночи:

– Давай договоримся: ничего у нас не было. Всё забыли.

Сказано это было вовсе не потому, что я не хотела продолжения, а оттого, что боялась стать нелюбимой игрушкой. Ты честно выполнял мою просьбу, а я всё больше убеждалась: равнодушен! На двух вечеринках подряд ты ко мне вообще не подходил, а на третьей, когда я стояла одна на балконе, вышел, постоял рядом, закурил и сказал:

– Мы уже два вечера не танцевали.

– А кто в этом виноват?

– Конечно, я. Вот ищу тебя, а ты прячешься... Ты странная такая, необычная. Посмотри, сколько вокруг домов, сколько в них горящих окошек, сколько за каждым живёт людей, и ни у одного из них нет таких мыслей, как у тебя.

– Почему?

– Тебе видней, почему, – обнял меня, коснулся губами открытой шеи, и всё опять показилось по наклонной плоскости.

Конечно, я говорила:

– Отстань, не смей, я же тебе не нравлюсь!

– Это не так. Ты красивая.

– Заметил!

– Ну, лучше поздно.

Я тянулась к тебе и отталкивала, под гипнозом двигаясь навстречу, как кролик к удаву, и испуганно убегая прочь, как лиса от волка. Так продолжалось до самого последнего звонка, после которого мы забрели в какие-то кушеры, где валялись заброшенные бетонные строительные трубы, и на одну из них уселись. Когда ты пытался залезть в вырез моей блузки, я била тебя по щекам и тут же сама целовала. И то, и другое получалось неубедительно, первое – ввиду жалости, второе – из-за неумения...

В конце десятого класса, как гром среди ясного неба пришло известие, о том, что наш Михаил Захарович уезжает в Израиль. Навсегда. И только ждёт выпускных экзаменов, чтобы «довести класс». И это в восемьдесят первом году! Нет, мы, конечно, знали, что где-то там далеко бывают негодные изменники, которые Родину предают. Но что бы так вот рядом с нами, да ещё наш правильный учитель математики и любимый классный руководитель! Поговаривали, он получил в наследство бензоколонку, что вообще звучало дико. Ну, где русская школа – а где еврейский бензин?! Тогда и слово-то «бизнес» было ругательным, по крайней мере, непонятным... Потом, когда в начале девяностых иммигрировал Аркадий Лисовский, никто уже не удивился. Он умер в Хайфе от инфаркта. А вот о Михаиле Захаровиче мы так никогда больше ничего и не услышали.

Впрочем, всю последнюю четверть, во время консультаций по предметам и выпускных экзаменов мне не было дела ни до кого на свете, даже до самой себя. Я просто физически ощущала, что умираю в преддверии скорой разлуки. По мере приближения выпускного бала, календарь отмеренной мне жизни неуклонно сокращался – ибо, что же будет за жизнь! В школу я приходила только для того, чтобы видеть и слышать тебя, понимая, что вскоре буду лишена такой возможности. А после уроков возвращалась домой безмерно уставшей, разбитой, больной, и сразу же ложилась спать. Вечером наскоро делала уроки – и снова спать. Сама поражалась, как можно большую часть суток проводить в бессознательном состоянии, но, по-видимому, молодой организм таким образом боролся с затянувшимся стрессом.

Из общей пачки фотографий, сделанных для виньетки, я украла твою и запрятала её в потайном отделении письменного стола, где хранила дневники. Папа однажды заметил: «Лара, ты не живёшь, а занимаешься воспоминаниями!». Если бы он знал, что последняя запись гласила: *«Хочу всё забыть! Хочу умереть»*.

К выпускному вечеру девчонки готовились как к свадьбе, а у меня в голове стучало: «Всё, всё, в последний раз, и больше никогда...». Мы с Любой отправились в парикмахерскую, три часа отсидели в очереди, а в результате нам накрутили такие ужасающе-бабские причёски, что пришлось бежать домой и в срочном порядке смывать эти совковые представления об элантиности.

На бал пришли с распущенными волосами, в длинных белых платьях. Я казалась себе невообразимой красавицей, воздушной невестой, сказочной принцессой – а ты ни разу не подошёл и даже не взглянул в мою сторону. Зато впервые за два года я увидела, как ты танцуешь с Юлькой Беловой, вы смеялись и смотрели друг на друга как заговорщики, словно у вас была общая тайна...

Знаешь, прошло много лет, и у меня в голове сложилась легенда: в девятом и десятом классе я любила Сашу Сизарёва, а он меня нет. Но вот перечла свои детские дневники и с изумлением обнаружила: всё было далеко не так! И могло бы сложиться по-другому, веди я себя не так бестолково...

На последней странице «официального» дневника о школьных событиях за десятый класс я с безмерным удивлением обнаружила... твою рецензию! А в «Неотправленных письмах» прочла, что уже после окончания школы приносила тебе почитать этот блокнот и долго не могла получить обратно, звонила и слышала:

– Мне надо ещё раз всё прочесть и обдумать.

В твоей рецензии написано: *«Дневник интересен, хотя бы уже потому, что является своеобразной летописью нашего класса. Мне кажется, что ты более всех остальных наших одноклассников смогла повернуться лучшей стороной к людям. Желаю тебе и дальше жить так же чисто и открыто. Но одно замечание: моё драгоценное имя упоминается лишь как «Сизый» и «Сашка», а местами с синонимом «дурак»...»*. На обороте того листка я написала: *«Эх, Сашенька, если бы ты знал: настоящий-то дневник совсем в другой тетради!»*. Сейчас понимаю, что идея отдать тебе записи была очередной уловкой, должной доказать, что вовсе я тебя не любила.

В университет, как и ожидалось, я не поступила, получила «тройку» по английскому языку, и недобрала полбалла. Оправдывалась тем, что «огромный конкурс, зачисление происходит лишь по связям, да за взятки», но в душе понимала: недоучила. Оставалось с тоской наблюдать, как девчонки отправляются по утрам на автобусную остановку, чтобы ехать на лекции, в то время как я иду на работу в соседнюю школу, куда устроилась лаборанткой в кабинет физики. Провал был не столько в том, что я оказалась в числе аутсайдеров, сколько в том, что теперь уж была и вовсе тебя недостойна, ты ведь говорил, что *«если у девушки образования нет, то кому она нужна, такая дура!»*. Всё, что я делала на работе – это учила английскую грамматику, повторяла конспекты по истории и... писала тебе письма! Мой новый дневник, как рассказ Льва Толстого, назывался *«После бала»*.

Мы достаточно с тобой часто встречались, большей частью почти случайно. «Почти», потому что я продолжала, как и учась в школе, по десять раз на день проходить мимо твоего дома, и иногда мы «случайно» сталкивались. Обычно ты шёл провожать меня до дома, мы болтали и иногда целовались. И снова я и тянулась к тебе, и отталкивала.

Некоторые ребята продолжали приглашать одноклассников на дни рождения, а после февральского традиционного вечера в школе, на котором тебе вручили золотую медаль, ты объявил: «Все ко мне!». И я впервые побывала в «святая святых» – твоей комнате, на окошки которой так часто смотрела, ибо куда бы не направлялась, маршрут непременно пролегал через твой двор.

Позже мы с Иркой придумывали всевозможные предлоги, чтобы заманить тебя в гости, например, просили принести магнитофон, чтобы переписать с одного на другой бобинную кассету с композициями популярных ансамблей. Ты приходил, мы пили чай, болтали. Как-то весной ты сидел на подлокотнике кресла, держал меня за руку, смотрел с нежностью и вдруг сказал:

– Вспоминается прошлый Новый год. Каким же я был тогда идиотом!.. Лара, у тебя есть друг?

– Конечно, – гордо ответила я, не особо представляя, кого имею в виду, и на всякий случай добавила. – Даже не один.

– По принципу «чем больше, тем лучше»? Глупостей только не наделай.

К тому времени я начала встречаться со старшим братом Ани Витовой Серёжей. Он только что вернулся из армии, мы познакомились, когда я забежала к Ане за книгой. Я уже не была абсолютно уверена в том, что по-прежнему люблю тебя...

Мой брак с Витовым превратился в затяжную мелодраму, длившуюся почти пятнадцать лет. Лучший её итог – наш сын Дениска, уже студент. «Кубаноиды» этого не понимают, но с Аней Витовой мы и по сей день – ближайшие подруги, какими не являлись даже в школе. Чтобы не вдаваться в объяснения перед посторонними людьми, я представляю Анюту просто: моя сестра. Кажется, она поняла и простила то, что я ушла от её доброго и красивого брата. Ну, уж слишком мы были с Сергеем разными! Ни один не лучше и не хуже, но *другие!*

С новым мужем мы несколько лет проработали на Севере, в прошлом году вернулись на Кубань, купили квартиру. Сейчас он депутат Городской Думы и немного бизнесмен, а я пока не работаю. Многие из тех, кто только мечтает о моём положении, пугают:

– Заскучаешь, превратишься в нудную домохозяйку!

Но скучно только дурочкам, а я наконец-то могу позволить себе перечесть те книги, до которых годами не доходила очередь, и взяться за новые. Да и в том, чтобы заниматься домашними делами не вижу ничего зазорного: готовить для мужа каждый день праздничный ужин гораздо приятнее, чем писать никому не нужные, насквозь лживые пресс-релизы. Теперь есть время посещать плавательный бассейн, а в театр можно приходить из парикмахерской, а не после напряжённого трудового дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.